

Владимир АРИСТОВ

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Окончил МФТИ, доктор физико-математических наук. Публикации в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Комментарии», «Уральская новь», «Арион», «Воздух», «НЛО» и др. Автор двадцати поэтических сборников, двух романов и пьесы. Литературные премии: им. Алексея Крученых (1993), Андрея Белого (2008), «Различие» (2016). Предыдущая публикация в «Волге» – стихи (2025, № 1-2).

ВДОЛЬ СИЯНИЯ РЕК

Фрагмент романа

Преамбула

Так как фрагмент соответствует отнюдь не началу романа, то стоит, наверное, пояснить, какие персонажи там присутствуют.

Действие происходит летом 1955 года, когда студент (в романе он под именем АЯ, почему все так его называют, станет понятно постепенно) – старшекурсник физфака Московского университета едет из Москвы на каникулы к своей бабушке в провинциальный город. Он мог бы называться Ка, а река ОКа, но и так по контексту проясняется, что речь идет о Калуге и Оке, хотя и не совсем «реальных», возможно, поэтому они обозначены просто «город» и «река». АЯ находится в очень сложном периоде: вообще у него было вполне советское воспитание, но после 53-го года все стало в нем меняться. Его интересы получили новые направления, он стал читать – насколько удавалось достать – много философской и даже религиозной литературы, встречаться с самыми разными людьми, что не осталось «незамеченным». Весной в университете с ним разговаривал представитель секретных органов, предупредив, что если так будет продолжаться, то для него все может плохо кончиться. Личная жизнь у него тоже на переломе – он расстался со своей возлюбленной. В университете он учится хорошо, но в научных поисках у него мало что получается, его полуфилософские представления о пространстве и времени не находят понимания у научного руководителя. Его литературные опыты уже многочисленны, но он знает, что в той ситуации ему не имеет смысла даже пробовать куда-то их предлагать. Написание романа, который он едва начал, становится тем не менее его целью. Он видит в этом нечто вроде «завещания», с другой стороны, надеется, что роман поможет ему «вернуться в жизнь». Потому что она на грани: он думает об уходе из жизни – здесь и безумная тяга исследователя «а что там за гранью» (как у того рыбака из «Чевенгура», который АЯ, конечно, не читал, бросившегося в озеро, чтобы узнать, что там в смерти), и нерешительность, и попытка провидеть будущее, о котором и пишется роман. Будущее, которое может показать, что бессмысленно уходить из нынешней жизни, ибо «там» не будет лучше. АЯ пишет, сам отчетливо не сознавая, утопию-антиутопию будущего мира, в котором «вернутся» все жившие люди на земле (АЯ не читал и даже не слышал о федоровском проекте, где человеческое и божественное должно соединиться в общем «усилье воскресенья»). При том, что он знал утопические произведения Томаса Мора, Кампанеллы, Френсиса Бэкона (не говоря уж об обязательных к изучению, хотя и выборочному – творений Фурье, Оуэна и Сен-Симона). О Замятине, Хаксли, Оруэлле что-то слышал из разных косвенных уст, но отчетливо не представлял. Так как написание книги становится для него непреложной задачей, он заражает важностью этого и других людей. К бабушке он едет по поручению матери – пользуясь такой

возможностью, чтобы почти на три месяца исчезнуть из Москвы – мать считает, что так она сможет найти какие-то пути к своей матери (его бабушки), отношения с которой в последние годы разрушены.

Другие персонажи:

Бабушка – она появляется пока лишь на одной странице, – центр огромного количества родственных и дружеских связей, она играет большую роль и в соединении интеллигентских кругов в городе, но об этом будет сказано в других местах.

Юрий – сын бабушки и брат матери АЯ – появляется для многих неожиданно (АЯ встречает его как бы случайно у реки), поскольку все считали его погибшим, – во время войны пришло извещение о том, что он пропал без вести. Юрий до войны закончил истфак МГУ, был призван в армию, стал офицером, во время войны был ранен, попал в плен, бежал, был в партизанских отрядах в Италии и Югославии, много что повидал. После окончания войны и фильтрационного лагеря получил десять лет лагерей, был отпущен в 53-м, но в Москву вернуться не мог. Он выбрал этот город (за 101-м километром), поскольку знал его, и здесь жила его мать (бабушка АЯ), но с которой у него были тяжелые отношения.

Селена – дальняя родственница бабушки – студентка художественного вуза из Ленинграда, приехавшая на летние каникулы.

Владик – пятилетний сын двоюродной племянницы бабушки.

Я. (или просто «он») – главный герой романа АЯ о будущем, в каком-то смысле его alter ego, но не очевидно, что это некое грядущее «воплощение» АЯ.

Филомелин – адвокат Я. в романе, где каждому «вернувшемуся» полагается свой защитник на предстоящем неизбежном суде.

В.А.

Бабушкин юбилей

Юрий и АЯ только начали обсуждать совершенно фантастическую возможность придумать непрекращающиеся страдания в виде явленных угрызений совести, и что это как раз то, что никак не может быть даже упомянуто в романе АЯ. Вдруг Селена принесла весть, как новая конфидентка бабушки, что та собирается отмечать свой юбилей. Первым делом внук и сын задумались, сколько же бабушке может быть лет. Казалось бы, чего проще, но так как бабушка была всегда без возраста, то вдруг поставить ее в ряд с другими было само по себе почти невозможно. Хотя Юрий так же, как и его сестра, то есть мать АЯ, находился в постоянных размолвках с бабушкой, то ничего странного нет.

Но неожиданно они вместе поняли: ну, конечно же, семидесятилетие. Тут же Юрий сказал АЯ: «Я же недавно думал, что бабушкин день рождения будет почти в годовщину Женевской конференции, а все годы прошедшие – тогда для меня как историка, пусть почти мнимого, становятся на свои места». «Что за Женевская?» – спросил АЯ. «Неужели же ты не знаешь? Ну да, ты же у нас историк будущего. Настоящего знать не знаешь. А это я педагог исторический... по образованию... хотя в здешней школе преподаю математику... я с частными учениками выступаю как учитель истории. Но историю прошлого свободно не очень-то расскажешь... приходится на литературные источники опираться... я имею в виду не архивы, как ты понимаешь, которые за семью печатями, а на ту историю, которая невольно проступает из произведений писателей, из литературы. И поэтому школьникам я иногда рассказываю, допустим, из девятнадцатого века, опираясь не столько на документы... а на то, что написано в каком-то литературном произведении... вот, например, “Фрегат Паллада” Гончарова или “Дядюшкин сон” Достоевского – вглядываясь в них, мы больше поймем о том времени, чем сквозь смутное стекло учебника попытаюсь что-то разобрать... Но что мне не могут помешать... не могут помешать мне быть историком настоящего... То, что вокруг происходит со всеми... это же горячая... и горючая, как бензин или керосин... настоящая жгучая история... и

события... даже газетные так же горят, не сгорая, вместе со всеми другими событиями... не сгорая... ты говоришь, ты спрашиваешь, что за Женевская? Да это же важнейшее событие прошлого лета... прошлого года... ты слышал такое слово – Дьенбьенфу? А ведь это было главное событие и битва, хотя в ней с той и с другой стороны, кажется, всего лишь по три пушечки участвовало... нежели ты не представлял себе тихого Женевского озера, которое своей гладью умиротворило эти народы... да ты, что правда, не знаешь, о чем идет речь... для тебя и корейская война прошла мимо... а эта вьетнамско-французская война совсем тебя миновала? Да где ж ты был тогда? В душной своей физической аудитории? Лаборатории... учебной... где опыты над вами, студентами, производят... превращая ваши души в физические тела... ну, это я так к слову... ты тут не виноват... почти... Много корейцев я встречал там на разных перепутьях, а вьетнамца лишь одного, но он запомнился как никто и навсегда».

Но тут Селена развернула большую бумагу (не от обойного ли листа?), исписанную бабушкиным угловатым, почти клиновидным почерком, и сообщила, что бабушка велела всем вместе подумать над списком гостей, кого звать и каким образом им сообщить – телеграммой наверное, потому что бабушка до последнего тянула. Но решилась все же собрать родственников и друзей, которые, может, даже и не видели друг друга. Взглянув на список, который хотелось назвать свитком, АЯ поразился его длине и все же сразу увидел, что он не был полным. Там значились: дядя Ярослав и его жена Анюра – племянница бабушки, они только что вернулись из Сусумана, сестры Чудаковы – подруги близкого бабушкина родственника, который сам-то был на краю земли; был также и дальний родственник, подполковник медицинской службы Сильвестр Васильевич, которого все называли «Селивёрст до небес», дядя Кися и тетя Деля, а также тетя Дуня, бабушкина старшая сестра, из Клайпеды, горбатенькая старушка, кажется, заслуженная учительница, ее сын Герман и внучка Лора. «Но где же дядя Глеб – бабушкин брат, который живет в этом городе, и дядя Аэций, сын Алфея, тоже бабушкиного брата? – сразу подумал АЯ. – И тетя Магда, племянница бабушки? Магдалина Борисовна? Ее отец Борис, еще один бабушкин брат, по слухам, еще в конце 20-х скрылся куда-то в Финляндию и так и не вернулся, а библиотеку свою обширную, кажется, он оставил здесь».

«Слушай, – сказал Юрий, обращаясь к Селене, – мы в этом деле не участвуем, что мы можем добавить? Пусть она сама разбирается. Меня родственники забыли и пятнадцать лет знать не знали. Да они меня и не узнают. Так что разве как какой-нибудь инкогнито появлюсь перед их очами? Посланник не от света, не от мира сего. “Да кто это?” – они скажут. Что мне их пугать. Лучше на это время мне скрыться куда-нибудь. Да и как она представит меня? По имени, ну разве что по отчеству, и все?»

«А ты бы хотел, чтобы всю родословную предъявили?» – спросил, отвлекаясь от мыслей, АЯ. – Да, тут ее не знают. Я уж некоторые изыскания делал, и то мало что накопал. Все хранят молчание. Такое ощущение, что все попытались забыть, документы сжечь. В памяти хранят, но где-то глубоко... за семью печатями, как ты сказал. В спецхране».

«Да эти раскопки надо делать в твоём будущем. В твоём романически-романтическом будущем. Вот там все будет вывернуто наизнанку. Так я понимаю, все будет наружу предъявлено из земли. Все смердящие трупы памяти появятся... при дороге – бери не хочу. Вот чего ты хочешь наверно. Трупоедство сплошное. И ты будешь радоваться? Или ужасаться, что почти одно и то же. Ты туда убежал из настоящего, боишься быть здесь, в страхе перед настоящим. И заявляешь еще, что все будут страшиться какого-то абстрактного грядущего, может быть бесконечного? Ты почему здесь ничего не хочешь делать? Я тебе рассказываю о своей и судьбе других, а ты, закрыв глаза, отворачиваешься и убегаешь в свое удобное будущее, которого в реальности нет, а есть призрак лишь».

«Да нет, я никуда не отбегаю, сейчас я чувствую, что в этом будущем, которое я стал опрометчиво фиксировать на письме, я уже не могу удержаться, я по пояс ушел в прошлое, точнее, я нахожусь сразу во многих временах, даже в своей биографии, не говоря об остальных, пережитое не то что не отпускает, но растет как на дрожжах».

– Подождите, – вошла, ворвалась в их разговор явно нетерпеливо ожидавшая Селена, – тут важное есть: бабушка просила подумать – и побыстрее – где можно гостей размещать.

– Моя хата с краю, ничего не знаю, – тут же заявил Юрий, – могу конечно кого-то пустить... за умеренную плату... а сам скроюсь, смоюсь куда-то... Ха-ха, да, получается, как не назови, все на «ха»: хибара, кого там? Рыбаря? Хижина... в нее мы-то втроем с трудом влезем... это надо у него узнать, – указал он на АЯ, – как миллиарды людей в его городе уместились.

– Я собирался как раз прочесть вам отрывок, – сказал АЯ, – но там не только про это, там много чего... там про овеществленную мысль тоже... как мысль... моя, например, может появиться в воздухе... по моему велению... и лететь... и мы ее видим...

– Ужасно, – произнесла Селена, – напиши это побыстрее и с глаз долой, не хочу в будущее, где твоя мысль будет охотиться за мной.

– Ты же сама сказала, пиши правду... это же не я пишу... это кто-то рукой моей водит...

– Слышали мы это много раз, – откликнулся Юрий – высшая сила... или что там еще? Снимаю с себя всякую ответственность... написанное или совершенное неизбежно должно было совершиться... я лишь проводник... на какой-то там дороге?

– Так вы будете слушать, что я написал?

– Читай, – тихо сказала Селена.

Ночь перед судом

АЯ начал читать:

«Они сидели вдвоем с адвокатом Филомелиным в вечеряющей уже комнате адвоката. Вокруг было почти непроницаемое молчание, из города доходили редкие одинокие звуки. И они вдвоем молчали. Адвокат сказал: “Ты знаешь, я много раз откладывал заседание суда по твоему делу. Ссылался на болезни и так далее. Но не уверен, что завтра получится снова. Не знаю, что предпринять. Единственное, что может помочь, но не уверен, что тебе это понравится”. – “Что же?”, – спросил я, то есть он – тот, кто находился с адвокатом рядом. Адвокат произнес негромко: “Доказать, что ты не есть ты. Но тебе это точно не понравится. Ты бы хотел думать, что ты это ты”. – “Что это значит? Я же чувствую, что я это я”. – “Несомненно, а как ты можешь еще чувствовать. Но нужны веские доказательства, что возвратившийся это именно тот человек и никакой другой”. – “Не понимаю”. – “Да, для других ты несомненно тот, как и для тебя самого, да и физические доказательства налицо, но никакой уверенности нет, что в твоём облике не вернулся в жизнь твой двойник. Душа единственна – это аксиома для здешнего мира. Ты можешь с этим спорить, но это закон. И нужны доказательства, что твоя душа – того когда-то ушедшего из мира молодого человека присутствует сейчас здесь в тебе”. – “Но разве это вообще возможно доказать?” – “Надо стараться, потому что без этого случались непоправимые судебные ошибки. Один из методов, правда, косвенный и ненадежный – путь в твою память. Так вот, я попробую доказать, что ты помнишь не то, что было с тобой”.

“Да, это действительно тяжело... Стоит ли вообще затеваться... Что мне с того, что я узнаю, что я это я? Я и так это знаю. А если нет? Тогда как мне быть? Что со мной вообще будет? Но и память... Разве в моей памяти я не смогу найти того, что я когда-то выдумал... Что в реальности не происходило со мной... Это разве может быть

доказательством? Я вот погружусь в фантазии, которых было, наверное, невероятное количество... И есть мои истинные воспоминания, только мои... хотя их тоже можно скопировать”.

– Неужели ты думаешь, – сказал Филомелин, – что не могут отличить твои выдуманные образы от того, что ты пережил в глубине себя, то, что запечатлелось с детства? Созданы хитроумные методы для различения... Хотя все же ты прав, никто ничего не может доказать. То, что выдают за доказательство, не более чем система самовнушений... Сколько случаев было, когда после самых весомых доказательств, не оставивших вроде бы ни тени сомнений... тень от облака... или лучше сказать тень от солнца... самого солнца все же осталась... Вот он... кто-то... говорит, что он Пифагор... а я думаю, что – проходимец... Он единственный... это не сумасшедший дом, где много таких, но все равно и этот единственный... каким бы он истинным не был... все равно оставляет сомнения... Но мы должны попробовать все же... Тебе надо будет решиться...

– Что я должен делать?

– Смотреть на эту стену. – Филомелин показал на ровную побеленную стену своей комнаты. – Стена не простая. Все, что ты будешь вспоминать, будет на ней появляться в виде образов.

– И это что, будет считаться доказательством?

– Во всяком случае это остается, фиксируется. Это документ. Мы можем это немного подправлять, но удалить уже не сможем. Что же, попробуем?

– С чего же начать?

– Начни с самого простого. Какое-нибудь детское воспоминание. Не надо напрягаться... и понимать, что работа предстоит долгая... Итак?

– Да, я попробую.

И они взглянули оба на белую стену. Вначале там ничего не появлялось. Там было лишь легкое смутное мелькание каких-то пятен и теней. Потом и это исчезло. И вдруг появилась синева. Наверное, это было небо. И линия горизонтальная, разделяющее это синее на две части. И стало ясно, что нижняя часть это было море.

– Почему море? – тихо воскликнул он. – Я же никогда не видел в жизни моря.

– Не знаю, – произнес Филомелин. – Мы видим вместе то, что ты видишь внутри себя, хотя, может быть, ты эти образы и не улавливаешь.

Они смотрели и всматривались в стену, и вот на ней явственно возникли светлые стены домов по краям дороги, которая прямо спускалась к морю. И слева на спуске раскидистая аляповатая пальма, которая, казалось, как будто нарочито прикрепленной к этой картине. И на фоне синего моря и неба возник и стал проявляться в воздухе большой предмет, который можно было вначале принять за какое-то дерево. Но постепенно становилось ясно, что это гигантская зубная щетка.

– Что это? – спросил он.

– То, что ты видишь внутри себя.

– Но я этого совсем не вижу.

– Это глубже твоего внутреннего зрения. Это то, что ты не можешь искусственно вызвать, но оно в сокровенной глубине есть. Ты помнишь эту зубную щетку? Она явно не новая и сильно поредевшая.

– Нет, не помню. Но я и моря не помню. Я же говорю, что до своих лет... до двадцати одного года я не был на море...

– Но ты же видел его в воображении?

– Видел, но совсем не таким, как на этой стене.

Они некоторое время молча сидели, и Филомелин сказал: «Закрой глаза». И он закрыл.

Филомелин сказал: “Первый сеанс закончен”. Тебе надо отдохнуть. Не знаю пока, как можно трактовать увиденное. Главное, как они будут это трактовать. Там ведь все

изучают эксперты. Составляют протоколы. Но у меня появился хотя бы шанс спорить с ними и оспаривать их мнение, говоря, что это море – море твоего воображения и только”».

АЯ закончил читать и сказал: «Вот пока такой отрывок».

Интермедия

До июльских сумерек было еще далеко, но все же в воздухе у реки произошла перемена. Они, все трое, после длительного молчания как-то вместе поднялись с травы и тихо пошли вверх по дороге. Потом Селена спросила:

- Так ему, как и тебе сейчас, тоже двадцать один год?
- Выходит, что так... но это я только сейчас понял.
- А как же он туда попал?
- Пока не знаю... хотя догадываюсь.

Потом она еще после долгого молчания и многих шагов по пыльной обочине спросила все же:

- Так он это он?
- Не знаю.

Они долго шли вверх по крутой городской и уже асфальтовой дороге, которая вывела их в городской парк. По дорожках навстречу попадались редкие люди, прогуливающиеся молодые пары. Был слышен уже гул провинциального, но большого города. Щебет птиц, детский смех, шелест отдаленных машин, отрывочный женский голос – наполовину знакомый – по радио: «Я опускаюсь на дно морское, я поднимаюсь за облака...». Пути их расходились, Селена и АЯ должны были идти к бабушкиному дому, а Юрий – в противоположную сторону. Но Юрий сказал: «Я провожу вас, может быть, до оврага».

Глубочайший городской овраг, по которому невидимый сквозь листву протекал ручей, разделял город на две отдельные части. Они взошли на мост над ним, и тут Юрий сказал, улыбаясь:

– После тобою прочтенного пойду домой проверю, что я это именно тот, за кого я себя выдаю. Прежде всего взгляну на чемодан.

– Что за чемодан? – спросил АЯ.

– Да мой чемодан, на котором внутри и снаружи я выжиг раскаленным гвоздем свои инициалы Ю.Г.

– А зачем тебе это надо было?

– Без этого нельзя... Да, тот лагерный умелец, что сделал мне этот фанерный деревянный чемодан, сказал: «Носи на здоровье. Это не деревянный бушлат. Он тебе поможет». И он мне действительно помог. В стычке с уголовниками в поезде, когда я возвращался с севера сюда. Но это отдельный разговор.

– Знаю, что ты Юрий Георгиевич, но в инициалах ты специально «юг» отметил?

– Потому что я занимался какое-то время лесосплавом на реке Юг. Вы, наверное, про такую не слышали. А ведь он, сливаясь с Сухоной, создает реку... дочку, наверное, можно сказать, о которой вы знаете – Северную Двину. Но потом от этого Великого Устюга меня направили в лагерь в Котлас, где я и был почти все время.

Юрий перестал говорить и явно уже собирался прощаться, но потом спросил:

– Куда вы сейчас?

– Сейчас к бабушке, а потом Селена хотела пойти в кино.

– И ты в кино? Какое кино? Тебе не тем надо заниматься. Ты почему свой отрывок прервал читать?

– Потому что еще нет у него продолженья.

– Неправда. Потому что ты трусишь записывать дальше. Ты начал это дело и должен, не отрывая пера... Ты в будущее... в свое будущее боишься заглядывать... Прочитал бы молитву, раз так страшишься... да ты ничего не знаешь... ты начал создавать будущее и себя... или кого там... туда перенес, но испугался... Ты трус, если не можешь вглядываться в себя, не отворачиваясь... вот твое кино... настоящее, а ты хочешь что-то там постороннее посмотреть... переждать... нет у тебя времени сейчас... ты должен прийти и достать свой химический карандаш... Завтра ты должен нам предъявить вся главу, чем бы она не закончилась... даже если будет нескончаемой... Обещаешь?

– Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...

– Вот это ты знаешь... понимаю... никуда от этого не убежишь... но хотя бы так, повторяй хотя бы эти слова... из которых ты сделан, создан... и сразу себя не пересоздашь...

– У меня закончилась почти тетрадь...

– Ничего. Вот бабушка записала что-то на листе обоев... где-то там, наверное, есть старый рулон... возьми и пиши на обороте... это будет твой свиток... мы потом с Селеной размотаем и перенесем на бумагу... да ты и сам сможешь. Где твое стальное гусиное перо? Начал так торжественно... красными чернилами... Каждая буква как с красной строки... позволил себе перенестись неведомо куда... в начало века... нынешнего... западную литературу даже затронул нынешнюю тоже... хотя, похоже, ничего из нее не читал... но почувствовал на расстоянии... а сейчас стал писать уже без оглядки... как придется... там и прошлый век замелькал... да и времена до Возрождения наверное тоже... ты наверное и в будущее с его литературой норовишь залезть... но сейчас тебе не до этого... и правильно... тебе нужно что-то сказать... успеть сказать... потому что в будущем тебе может уже не дадут этого сделать... так пиши как летописец... пиши, вглядываясь в себя... в тебе происходят все события... ты их участник... но и должен успевать записывать в дневник... в тебе каждый день происходит битва... так вечером ты должен... обязан занести это все в дневник... Что там за кино? Французское? «Плата за страх»? Селена тебе расскажет своими словами, а ты ей и мне расскажешь своими словами... то, что ты видел... у нас нет той волшебной простынки, как у тебя там... где все виденное... да и невиданное тобой... проступает... но мы увидим не хуже тебя, хотя и по-другому... пойми... история происходит сейчас, сеймиг в тебе, и если не запишешь... я просто избобью тебя... ты понял?

Тут АЯ, слушавший, немного опустив глаза, мгновенно поднял голову и резко произнес:

– А ты попробуй, и увидишь, какой будет ответ!

Юрий просиял лицом и сказал с улыбкой:

– Теперь я уверен, что ты сегодня будешь продолжать писать. Не стал одну боязнь другой заглушать... Именно на это я и рассчитывал. Ты меня не разочаровал... А ты, – произнес он, повернувшись к Селене, – все же присматривай за ним.

– Что вы имеете в виду? Я не надсмотрщица.

Юрий медленно отвел взгляд и стал смотреть на стебли выюнка, обвившие столбики ограждения и даже забравшиеся на его перила на мосту над оврагом:

– Понимаешь, он не хочет быть... как бы это сказать... здесь... в здешнем нашем существовании... ему тяжело и даже отвратительно... и я его понимаю... но сбежать в будущее можно по-разному... понимаю также, что он хочет убедить себя, что будущее не то, что ничем не лучше... но еще ужасней... и для этого пишет... если он прекратит... это будет плохо... для него плохо... и для тебя...

– Все равно не понимаю...

– Надеюсь поймешь. То, что происходит сейчас в мире, ужасно... но все же открой глаза, как окна, взгляни вокруг... и это тебя удержит...

Он показал на растения и листья, и они все трое стали смотреть на них, которые в вечернем исчезновении света были темно-зелеными, а казались темно-синими.

– Что ты за меня все говоришь, – тихо сказал АЯ, – мне опять тебя надо останавливать?

– Но по сути я прав ведь... иначе бы ты возражал по существу... а так я объясняю Селене то, что я вижу в твоём романе... ты ведь сам не будешь рассказывать... да и имею я право как читатель трактовать тебя вкривь и вкось... если бы я говорил совсем не то, ты бы остановил... он хочет быть сразу во многих временах, а это трудно... быть и тем, и другим, и третьим... и собой сразу из разных своих эпох, а это невозможно... пока невозможно...

Юрий вздохнул и сделал легкое движение, – вроде бы собираясь прощаться. При этом он взглянул на запястье своей левой руки, но тут же отвел взгляд. И АЯ спросил:

– Я заметил, что у тебя там другое время, чем сейчас.

– Да, там без трех минут полдень. Всегда.

– Почему?

– Мне когда-то... пришлось переплывать реку... Юг... можно сказать, – спастись... я недолго тогда работал вольнонаемным после лагеря... и не было времени, чтобы снять часы... после они остановились на том мгновении...

– А ты пробовал их чинить?

– Позже... но часовщик сказал, что они заржавели и ремонту не подлежат.

– А новые?

– Нет у меня денег... на новые часы. Но старые не могу снять... Они дороги как память... даже и о том событии. Все же по привычке взглядываю на них, и это помогает.

– Время определять?

– Да.

– Ну, а все же, как ты время узнаешь?

– По солнцу... иногда по звездам.

– По звездам? Это как же?

– Да есть у меня одна знакомая звезда...

Тут Юрий прощально улыбнулся, он махнул им левой рукой с блеснувшими часами, и они расстались на мосту.

Ночь перед судом (продолжение)

Вернувшись домой к бабушке, АЯ почти сразу раскрыл тетрадь и обнаружил, что все же полторы пустые страницы остаются, и начал как можно мельче заполнять их быстрым почерком, ничего не думая уже о разговорах с дядей. Он записывал:

«Филомелин сказал: “Теперь мы сможем хоть что-то предложить на завтрашнем заседании. Не уверен, но допускаю, что твое дело будет отложено. Строгих доказательств, что ты это ты, нет. Но я предупреждал, что теперь ты не будешь сам себя узнавать в зеркале. Понимаю, что зеркала здесь официально запрещены, но ни для кого не секрет, что все ими пользуются, и можно их купить из-под полы на летучих рынках. Я тебе говорю то, что ты хорошо знаешь и так, но зеркало будет теперь от тебя отворачиваться”. Он спросил: “Почему же столь совершенная система возвращения не способна опознать, кто же возвращается сюда?” – “Потому что здесь полагали, что человеческие усилия инспирированы высшей силой, но сейчас оракулы по этому поводу молчат”. – “Но тогда некоторые наверно захотят сбежать из такого мира, где им не дадут определенности – сколько же они будут в этом городе в такой потерянности?” – “Живут, а куда они денутся. Им объясняют, что это место для них нечто вроде чистилища. А сбежать не удастся. Нет уверенности, как ты появился... Но ты знаешь ведь лозунг, который в скрытом виде всем ясен: “Самоубийство запрещено под страхом бессмертия”. – “Знаю, но я его не понимаю, отказываюсь понимать”. – “Потому что ты живешь еще всеми понятиями прошлого. В котором финал и подготовка к финалу составляет сущность человеческой жизни. Но что

такое состояние вечного существования, ты не представляешь. Ты еще не вошел в этот океан. Но если ты раскроешься в такое состояние ты поймешь, что страшнее вечности ничего нет”. – “Но ведь можно ведь жить, не замечая этого, день за днем...” – “Нет, так не получится, ты все равно должен будешь осознать, что здесь совершенно другой мир, где границы во времени нет...”».

Так записывал АЯ, все уменьшая размеры букв, чтобы постараться дописать, пока не окончилась белизна страницы, думая даже начать потом писать между строк на своих предыдущих страницах. Явственно темнело, и он зажег керосиновую лампу. Можно было, конечно, включить электричество, но он не хотел яркого света, чтобы не тревожить, наверное, уже заснувшую бабушку, к тому же ему казалось, что с неярким светом он переносится в прошлые времена, когда писали при свече. Эта комната на нижнем этаже дома выходила окнами в сад. И за ними было уже почти темно. Он перестал писать, пытаясь соединить написанное с окружающими предметами, и ему не удалось.

Так он долго сидел почти без движения и мысли, когда раздался тихий стук в окно. Он подошел к нему и раскрыл створки в сад, в черных парных их стеклах, как в страницах книги, отразилось лицо Селены. В глубине сада был виден флигель, в котором она жила, снимая его у бабушки.

– Лена!

– Уже Селена... Я пришла рассказать то, что просил Юрий. Но знаешь, я вдруг представила, что смотрю уже на этот фильм из далекого будущего. Он как бледная тень, там мелькают лица людей, которых нет... вот и главный герой, которого играет актер и вроде бы певец... Монтань, кажется, – вот их тени черно-белые, но они все же здесь запечатлелись... это не исчезло... хотя пленка сгорит... а все же не исчезло... это то, что поможет их переместить в будущее... в то будущее... которое в твоём романе... они там перевозят нитроглицерин... что невероятно опасно... в любую секунду может произойти взрыв... и они исчезнут... их невероятно жалко... и все же не все исчезает... то, что они смело вошли в кадр... смелость их удержит... они не закончатся здесь...

АЯ слушал ее, но не очень слышал, он перегибался через подоконник, и его лицо приближалось к ее лицу. Она улыбнулась и отшатнулась, показывая, что хочет все же договорить, но он смотрел прямо ей в глаза.

– Ты, чувствую, пытался выполнить задание Юрия, но, видимо, силы и бумага закончилась. И все же продолжи, – сказала она, медленно повернувшись и исчезая в темноте. Он смотрел на дорожку к флигелю, где она еще раз мелькнула в светлом пятне на тропинке. Страница действительно закончилась, да и карандаш подошел к концу.

После ухода Селены думал АЯ продолжать, но писать было уже не на чем. Взглянул он на стены, покрытые выцветшими обоями, на которых при свете керосиновой лампы был почти неразличим повторяющийся узор из когда-то, наверное, ярких полевых цветов, но подумал, что записи химическим карандашом потом не отмоешь, и бабушка ему не простит. Писать между строк в тетрадь также было невозможно, слишком тесно они шли. Поэтому он взял наугад с полки какую-то книжку, открыл где-то посередине и стал мельчайшим и быстрым почерком, подозревая, что может закончиться керосин в лампе, записывать между печатных строк, подумав, что утром узнает, что это была за книга. Он записывал:

«Филомелин сказал: “Наверное, тебе дадут утром отсрочку, но вот что я тебе скажу: ты должен записывать, записать то, что с тобой произошло до того, как ты здесь появился”. – “Что же я запишу, если я ничего не помню, почти ничего”. – “Это тебе только кажется, что ничего. Ты сможешь записать свои путешествия. Путешествие своей души”. – “Но это, возможно, получится выдумка, а ты призывал меня ничего не придумывать”. – “Все равно начни. Пусть будет вначале казаться чем-то фантастическим. Но отрывки потом сойдутся. Пусть это будет даже роман. Роман в прошлое. Но в нем

наверняка проглянут проблески истинно с тобой произошедшего. И тогда ты поймешь. И я узнаю, и ты узнаешь, кто ты”. – “У других это получалось?” – “Да, хотя далеко не у всех. Некоторые действительно не помнили, что происходило между той и этой их жизнью. Или не хотели, или страшились, настолько ужасным было то, что они испытали. Но некоторые написали правду, пусть отрывки, обрывки правды, но это невозможно было придумать – особенно те, кто и не умел ничего придумывать. А ты умеешь, я знаю, но твои выдуманные события, я не сомневаюсь, вытянут и глубокие события тоже, которые ты иначе просто побоишься рассказать. Или даже заглянуть в эту глубину”. – “Ну, а если действительно там ничего не происходило?”. – “Это самое страшное, может быть, это самое большое, самое несомненное наказание, которое только и может быть. Но думаю, что у тебя не так”. – “Я тут в городе встречал людей, которые мне казались чем-то похожими на меня. Или я только хотел спросить их о их судьбе. Но не решался. И поэтому они казались чем-то похожими”. – “Скажу тебе очень серьезную вещь... может быть, тебе это и не казалось... не знаю... Но здесь лица вернувшихся людей способны иногда как бы совпадать мгновенно друг с другом... и тогда следы эти остаются... так что один человек... правда, это бывает редко... словно бы составлен из различных людей... чаще всего это внешнее... но не всегда”. – “Так как же тогда опознать, кто же там скрывается за этими лицами... осколками лиц?”. – “Это трудно... здесь есть секта... она появилась давно... но, конечно, не в твоей той жизни... ересь, которая преследуется... но искоренить ее не удастся... там был у них один проповедник... Макарий... от него все произошло. Он говорил, что второе пришествие будет таким... что мессия явится во многих сразу... и поэтому его не узнают... он явится как бы во всех людях растворенным и при этом явным... и такие осколки лиц в разных лицах есть свидетельства такого явления... эта ересь проникла и пропитала этот город... с ней боролись... и казалось, удалось ее победить... но она тлеет и появляется вновь”.

Так записывал быстро АЯ при убывающем свете лампы, пока фитиль не стал вспыхивать темноватым каким-то светом, и совсем погас, некоторое время он сидел в темноте и смотрел в окно, но рассвет еще не наступал.

Долго АЯ сидел у окна, пока глаза не привыкли немного к темноте, и он смог различать то, что у него было в руках, он перевернул страницу книги и стал записывать в чистых промежутках между строк. АЯ записывал так:

«Филомелин перестал говорить и взглянул на него. Тогда он произнес: “Я вижу... я вижу воду, воды реки и плывущие в ней страницы, на которых несмываемыми вероятно чернилами написаны строки... и эти строки обо мне нынешнем”. И Филомелин слушал его».

АЯ записывал долго, пока его не стало клонить ко сну. Он закрыл книгу и при свете начинающегося рассвета смог прочесть на обложке только год 1950 и название книги: «Земля в цвету».

«Яблоко» – рассказ Селены, записанный АЯ

По паспорту я Селена – в тридцатых часто давали детям не столь уж обычные имена, тем более что мои родители – художники. Меня все называют Лена, хотя я больше все же люблю свое настоящее имя. Ты верно заметил, что Лена, Елена – имя дневное, солнечное, а ближе к ночи, в полночь происходит переход к моему лунному имени – что ты даже пытался уловить на моем лице. Но тут больше – твое воображение. А вот твой вопрос, что же я чувствую в Ленинграде белой ночью, заставил меня задуматься. И я поняла, что сама не могу определить, какое имя тогда для меня важнее,

может быть, оба вместе. И белой ночью я обладаю сразу двумя именами. А могут быть люди безымянные?

Ты не понял, когда на вопрос, где я учусь, ответила, что в «Репке», надо было пояснять, что – в «Репинке», в Академии художеств, а у меня в ушах почему-то стала звучать песня, которую и ты слышал, возможно, по радио, – да и из патефонов она слышна, – чешская, что ли: «То ли луковица, то ли репка, то ль забыла, то ли любит крепко? Ах, яблоня цвела в старом саду». И здесь у бабушки я часто рисую именно яблоню. Ты спросил меня как-то и сейчас спрашиваешь, почему? И я могу ответить, почему, хотя говорить об этом нелегко – ведь яблоко спасло мне жизнь.

С началом войны летом 41-го постепенно стали вестись разговоры об эвакуации, но мои родители не хотели уезжать из Ленинграда. И 1-го сентября я пошла в первый класс. Детей было немного, но занятия проходили. Потом стало ясно, что уехать уже невозможно. К концу сентября стало голодно. Все запасы заканчивались. Отец помимо всех дел был занят натюрмортами. И вот я увидела на мольберте начатую работу, где было изображено – вернее намечено – одинокое яблоко на буфете. Я спросила его, что это? Он сказал, что ему приснилось яблоко, которое мы забыли в пустой квартире родителей. Мы туда летом отвезли собранные на даче яблоки, но позже постепенно все забрали. Но ему ночью почудилось, что все же одно осталось на буфете – он его так поместил, прикидывая, какой будет будущая картина. И вот он думает, что оно осталось. Более того, начав рисовать его сейчас, он его как бы создает. И он хочет поехать туда на Васильевский остров и забрать его для меня. Он рассказал потом, как вышел на линии острова и его поразил далекий гул нашего осажденного города, который проходил по почти пустынным тогда утренним октябрьским улицам. Он пошел туда пешком, это было не близко, но на транспорт не приходилось надеяться. Вошел в подъезд и почти взлетел на пятый этаж, но перед входной дверью все же замер. Он ясно видел это яблоко на буфете, яблоко, которое, как ему казалось, должно меня спасти. И все же он остановился прежде, чем открыл дверь. Он вошел в комнату, увидел буфет – такой же, как на его начатой картине, но яблока на нем не было, как будто кто-то не смог еще его создать здесь. Он сел за стол и долго смотрел на буфет, сжимая правый кулак, считая, что это он как художник не обладает такой силой. Потом резко встал и ушел из квартиры, сам не зная, что должен делать теперь. Он спустился вниз вышел из парадного, остановился и закурил на этой совершенно пустынной улице. И вдруг из-за угла вышел, вернее, выбежал какой-то человек в развевающемся пальто, он что-то бормотал вслух и, не заметив отца, стоящего у подъезда, задел его на бегу. Приостановился, оглянулся и вдруг бросился к отцу. Он узнал знакомого администратора, который тут же стал говорить, что только отец может его выручить, – сегодня должен был улетать известный художник с семьей – для него оставлено три места в самолете – но у художника ночью случился инфаркт. Он знает, что отец не собирался никуда уезжать из Ленинграда, но сейчас есть единственная возможность вместе с женой и дочерью улететь. Отец спросил, есть ли время подумать, и тот сказал, что нет. Отец спросил, может ли он докурить папиросу, и тот сказал, что да. Потом, когда в конце 44-го мы вернулись, я не нашла никого в живых из своих одноклассников – все они умерли в первую блокадную зиму. Осталась фотография класса, которую сделали тогда в сентябре.

Я пошла по стопам родителей, но все же чувствовала вину перед ребятами ушедшими и стала рисовать яблоню. В каждом яблоке я поместила лицо ушедшего ученика. Когда картину увидел мой педагог, он долго смотрел, и, зная его, я поняла, что ему понравилось. Потом он сказал негромко: «Не вздумай показывать кому-нибудь из комиссии. Тебе не поздоровится, хорошо, если не выгонят. Обвинят в формализме. Тем более что в прошлом году тебя застукали за репродукциями Сезанна. Может, у тебя есть что-нибудь ближе к реальности, скажем так?» Я достала один из первых этюдов – пейзажных – яблоня, дикая яблоня в речной долине. Немного придуманное. Но тут он уже

громко проговорил: «Вот это то, что нужно. Пожурят, конечно, за вольность, велят поправить. У тебя уже не девятнадцатый век: чувствуется, что ты видела, например, Коровина, но такая свобода кисти – поправимая – уже допускается». А ту картину с лицами-яблоками я поставила лицом к стене, но она ждет своего времени.

Следующее утро и день

Утром АЯ спал почти до полудня, причем сон его был в конце обрывочный, ему слышались какие-то незнакомые посторонние голоса, молодой и звонкий женский голос неприятно отражался в зеркалах, иногда возникал вдалеке и детский дискант, – все это мешало ему досмотреть важную часть сна, где являлась написанная страница его романа.

Запомнить написанное не удавалось, он просыпался в промежуточном сне, наказывая себе не забывать написанное, но снова оказывался в глубине сна и писал словно бы под чью-то диктовку, и это тоже было неприятно, наконец он расслышал отчетливый голос из яви, и это был наконец-то знакомый голос бабушки:

– Аюша, Аюшка, вставай.

Она что-то добавила, удаляясь, обернувшись и увидев сквозь свои круглые очки, что он открыл глаза, – то было ее неясное бормотанье, довольно грубое, грубоватое, что она специально неясно произносила, и эти слова АЯ знал наизусть. Он проснулся окончательно и действительно различил за дверями высокий женский голос и иногда появляющийся голос детский. Тут он стал припоминать, – бабушка говорила ему позавчера, но он забыл, что должна приехать ее двоюродная племянница с сыном.

Только АЯ вышел из своей комнаты, как навстречу ему шагнула молодая женщина, которую он прежде никогда не видел.

– Вера, – сказала она. – Ждала вас, чтобы все же увидеть и попрощаться, мне надо уже на вокзал.

– Вот оставляет Владика на наше попечение, – сказала бабушка, показывая на мальчика, который застенчиво стоял у лестницы.

– Владик, познакомься, – подтолкнула его мама. Мальчик молчал.

– Сколько тебе лет? – спросил АЯ.

– Пять, но скоро шесть, – ответил мальчик. Он подошел поближе, так же застенчиво теребя пальцы перед собой, он был в коротких штанишках, которые держались на мягких лямках, портупейно крест-накрест перекинутых через плечи.

– Ну, не так уж скоро, – заявила Вера. – Давай прощаться, сынок.

– Ты когда вернешься? – почти плача спросил Владик.

– Но ты же знаешь, мне надо поехать к папе. Но мы скоро приедем. Но здесь тебе будет интересно. Ты увидишь много нового. Твой дядя покажет тебе реку, которую я очень люблю, но которую сейчас некогда повидать. Занимайся, – она показала на какие-то рисунки, разбросанные на полу.

И обняв его и поцеловав почти на бегу, исчезла за наружной дверью. Мальчик остался стоять в слезах, потом поднял с пола ножницы, которыми он что-то перед этим вырезал, положил их на пол, постоял, достал из угла изогнутую сучковатую палку и тихо стал подниматься по лестнице вверх, держа палку обеими руками, как винтовку.

Бабушка, прибиравшая в прихожей, смотрела вслед Владiku, бормоча и повторяя всегдашние свои приговорки: «Чепчик носит, чаю просит, говорит: живот болит», и сказала АЯ:

– Ты ведь на реку пойдешь, возьми Владика с собой.

– С какой стати? У меня много дел.

– Вот и посвятишь его в свои дела. Твоя мать на меня тебя оставила, теперь ты должен войти в положение Веры и взять на себя заботу о твоём, можно сказать, племяннике.

– Очень отдаленном: двадцатая вода на киселе.

- Вы с Селеной поучите его рисовать.
- Так он лучше нас умеет, – сказал АЯ, показывая на разбросанные на полу листки.
- Но тогда попросите Юру.

АЯ был поражен, что бабушка вообще заговорила о своем сыне, которого не видела ни разу после его появления в городе, и к тому же по-видимому зная, что он занимается непрерывно живописью.

Ничего не сказал АЯ, только неопределенно махнул рукой и пожал плечами. Выйдя за калитку, он немного подождал, зная, что должен подойти Юрий. И действительно тот вскоре появился.

– Зайдешь? – спросил АЯ, кивнув на калитку, ему вдруг показалось, что дядя и его мать смогут наконец повидаться. Но Юрий отрицательно покачал головой.

Высоко в небе над ними с отстающим громом промчался реактивный самолет.

– В твоём романе демоны на алюминиевых крыльях, – произнес Юрий.

– Не видел там никаких демонов.

– Ещё увидишь.

– Откуда ты знаешь? Ты пишешь этот роман?

– Ну, конечно, – рассмеялся Юрий. – Там они почти как истребители, как у Синьорелли.

– Кто это?

– Художник Возрождения.

– Никогда не слышал о таком.

– Он один из учителей Микеланджело. Ты можешь мне не поверить, но я видел фрески Синьорелли вживую.

Мимо них одна за другой проехали две легковые машины одинакового красного цвета, это было тем более странно, что много минут бывало, что по улице не проезжало ни одной машины.

– Где же и когда это было?» – спросил АЯ.

– Что?

– Ты их увидел.

В небе ниже облака, но много выше земли вдруг серебристой россыпью качнулась стайка каких-то птиц, напомнившая АЯ рыбок, недавно виденных в речном мелководье. Не успел он подумать, что это за птицы, так согласно сверкнувшие в повороте на солнце, как грубый окрик с той стороны улицы и ответное ржанье ломовой лошади отвлекли его. Владик, который вышел из калитки, вздрогнул и остановился. «Что это у тебя?» – желая отвлечь мальчика, спросил АЯ. Владик держал какой-то контур из черной бумаги. «Это я вырезал», – сказал он и, наклонившись, стал прикладывать бумагу к своей тени. «Что ты делаешь?» – «Хочу примерить, подходит ли?» – «Только не вздумай пытаться ножницами тень свою или мою отрезать». – «Может, я хочу пальто из нее свернуть». – «Вот это не надо, совсем не надо, а знаешь сколько твоей тени лет?» – «Моей пять». – «Я уже понял, ты цифры знаешь. А моей?» – «Двадцать пять», – почему-то засмеялся мальчик. Юрий смотрел на них с удивлением: «Что-то у вас разговор запрыгнул куда-то не туда. Ты мне лучше скажи, – обратился он к Владiku, – во что ты любишь играть?» – «В хали-хало». – «Не слышал о такой, расскажи». – «Это когда собираются... дети... и один из них вода, и он загадывает названия фильмов». – «Ну загадай что-нибудь». – «В. в. а. с.». – «Что за загадка?» – «Первые буквы слов». – «В. в. с. – что-то знакомое, похоже на военно-воздушные силы». – «Вот и не угадал... сдаешься?» – «Нет, я никогда не сдаюсь. Но ты мало что назвал, подскажи еще». – «Нет... можно вторые буквы загадывать, а потом третьи... но ты все равно не догадаешься... Сказать? “Великий воин Албании Скандебек”». – «Наверное, Скандербег... ну видишь, воина-то я почти угадал. А ты знаешь, что за страна Албания? Где она находится? Я ведь во время войны почти до нее добрался. Видел ее, можно сказать, в бинокль. Но туда югославские партизаны все же не заходили».

Тут они заметили Селену, которая появилась в глубине улицы, и пошли все втроем к ней навстречу. Вадик весело перебежал с одной стороны улицы на другую. «Ну, вот три бездельника пойдут на реку дальше бездельничать», – сказал Юрий и, показывая на мальчика, добавил: «Лишь один будет что-то делать и каждым шагом совершать открытия».

– А все-таки ты эту черную бумагу выброси, – сказал он, обращаясь к мальчику.

Но Вадик сложил бумагу и спрятал в карман своих мягких штанишек.

– Куда мы идем? – спросил он. – На речку?

– Только это река настоящая, – сказала Селена, – ты когда-нибудь большую реку видел?

– Москва-реку. Когда я в воду зашел, то другого берега не увидел.

– А ты что, и плавать умеешь?

– Немного... по-детски.

– То есть по-собачьи?

– Я не видел, как собаки плавают... видел один раз, как кошка хотела переплыть ручей.

– Вот и увидим, как ты плаваешь... и еще я тебя научу рисовать на песке.

– Ты, чувствую, на него уже как художница смотришь, – вошел в их разговор Юрий, – смотришь на него зорко, даже близозорко.

– Да его нарисовать легко, – улыбаясь, сказала Селена. – Штаны-квадратик, выше лямки – крестик, еще выше – кружочек, и снизу две палочки – ножки, вот и вышел человечек.

– Не так надо рисовать, – сказал Владик, – я покажу на песке.

Они с Селеной разговаривали и торопливо шли впереди, а Юрий, отстав от них, сказал АЯ: «Ты в своем романе не все понимаешь. Не все знаешь. И не представляешь, кто что делает. Ты не понимаешь, что там за мир».

– А я должен все понимать?

– Какой же ты творец тогда? Ты строишь свой мир. Ты там хозяин. Ты каждую деталь должен продумать. У тебя не должно быть белых пятен и лакун. Посмотри, как пишут фантастические свои вещи американцы, да и наши писатели тоже.

– Ты что, меня провоцируешь? Ты смеешься надо мной. У меня же не научно-фантастический роман, где все расчислено до любого болта, до любой мысли, которую любой герой по воле автора готов предъявить в любой момент.

– А что же у тебя, свобода воли?

– Можно и так сказать.

– Тогда ты не построишь что-то, что можно будет увидеть и понять. Ты хочешь, чтобы тебя поняли, или хочешь всех запутать? Не написать тебе твою Атлантиду, новую Атлантиду, как Френсис Бэкон, или сверхновую какую-нибудь. Один мой лагерный приятель неуклюже шутил о ней, мол, это истинная утопия, утопшая, утонувшая страна, а Бэкон ее со дна морского поднял и заново создал, вот действительно, новая страна, всем видная, хотя, может, и ужасная, а ты хочешь что-то такое создать, чтобы было и написано, но похоже и на живую жизнь, где все ускользает и непонятно.

– Я в эту написанную жизнь еще вхожу... мне многое еще непонятно, детали проступают постепенно, там все еще меняется. Я ведь не знаю, что сам думаю, что чувствую, а ты хочешь, чтобы я о других все знал. Хотя пытаюсь понять, и многое уже стало ясным, но тут же другая часть как-то туманится и ускользает, я не могу уследить за всем, что там происходит, я не хозяин того мира в романе.

Юрий долго молчал на ходу и потом спросил: «Но ты ведь знаешь в целом, что это за мир, это мир возвращения, как ты его называешь. Ты Федорова знаешь?» – «Какого? Первопечатника?» – «Сам ты первопечатник. Николая Федорова. Ты об “Общем деле” слышал?» – «Нет». – «Невежество объяснимое, но не простимое. Хотя у тебя какие университеты? Один московский». – «А у тебя больше?» – «Много больше. Я видел и

слышал таких людей... Я пытался запомнить их слова... Записывать ведь было невозможно. Среди них были проповедники. Иногда они говорили своими словами, иногда пересказывали известные. Все надо было запоминать, повторяя про себя много раз. Что-то уже стерлось в памяти. Хотя части Священного писания я помню доподлинно. Впрочем, как и много чего еще. “Краткий курс истории ВКП(б)”, например. Впрочем, я составил для себя и полную историю этой организации и тоже выучил наизусть. Некоторые лица, вычеркнутые на фотографиях, хранятся во мне. Так что ты, глядя мне в глаза, сможешь их там глубоко обнаружить, как и лица многих других, которые я запомнил навсегда».

– И один из этих людей Тамара Федоровна? – спросил АЯ.

– Тебе ничего нельзя рассказывать.

– Да ты и не рассказывал... так, наметил канву... вот я написал рассказ...

– Ты написал? То, о чем не знаешь? Значит, в романе ты толком ничего не знаешь, а в нашем мире, где все такое реальное, ты смело вносишь свое.

– Я ничего не придумывал. Это одна из версий того, что произошло с тобой. Ты можешь ей поверить или не поверить, но если ты войдешь в эти события, то ты их примешь, даже не выясняя, насколько они отвечают тому, что с тобой произошло.

– Ты очень самоуверен... ты считаешь, что если я поддамся твоим письменным словам, то забуду, что было на самом деле? Но сон золотой мне не нужен...

Они уже стояли на обрыве реки и видели, что внизу Селена и Вадик уже играли на песке у самой кромки воды.

– Ты прочтешь его... но только не сейчас. Сейчас я не готов... Он в твоей неизменной тетради? Или у тебя и новая есть? Нашел, значит, свежую? Займись своей работой... это твой будень... бери свой химкарандаш и фиксируй то, что ускользает каждую секунду из твоей души... фиксируй это будущее... а я пойду к ним.

И Юрий побежал вниз быстро по пыльной дороге к пляжу, а АЯ остался, опускаясь в траву, свесив ноги с обрыва и, настраиваясь, посплюнул и потерял грифель карандаша.

«Тамара Федоровна» – рассказ Юрия, записанный по памяти АЯ

Он поехал в воскресный день тайно из города (где ему предписано находиться) в Москву. Поехал наобум, – он не был уже много лет в осенней Москве. В руке у него объемный портфель, что оправдано, – можно всегда оправдаться при проверке, – он действительно служит учителем в провинциальном городе, за плечами – вещмешок, в котором новый костюм, плащ и шляпа. Сам он пока в безвидной серой одежде, так что не отличим от окружающих людей и местности за окном. Шляпу надеть до Москвы он не решает, не потому что будут дразнить: «шляпа», «очки» или «нос» – очков у него как раз не было, а чтобы вообще не привлекать внимания в подмосковном поезде. Шляпа была нужна не только для солидности, но и чтобы скрыть на коротко остриженной голове заметный шрам от ранения на войне.

Правой рукой он трогал временами мягкий фетр своей шляпы, а левой – подбородок, обводя ладонью овалом лицо: никогда он не брился так тщательно утром. Вечернюю Москву, всю в сиянии влажных огней, он не видел много лет и думал, что вот этот мгновенно ускользающий вечер, который опьяняет своей неуловимостью, похожестью и при этом неповторимостью, он чувствует и видит так же, а может быть острее и внятней, чем самые тонко чувствующие, – почему он об этом подумал? – он так же обнажен в своих чувствах перед этим вечером, как и они. Сейчас он не чувствовал свой обычный постоянный ущерб. Он был в костюме, только слегка помятом, потому что тот пролежал некоторое время в вещмешке, который он сдал со своей повседневной одеждой в камеру хранения на вокзале, в ботинках и плаще, в руках у него был портфель, а на голове шляпа, – все же он чувствовал некоторую неловкость, потому что не привык быть в такой одежде, хотя в Москве он не привлекал внимания. Но все же

он чувствовал себя разночинцем, а он и был разночинец, который надел не по Сеньке шапку, и думал, что под этой шляпой, мягкий фетр которой ему нравился чрезвычайно, он не сможет быть самим собой. Он мысленно отрезал ножницами часть полей своей шляпы, и этот отрезок фетра поместил перед глазами, чтобы видеть, при этом лаская эту неотрезанную часть поля шляпы рукой. Ему казалось, что мягкость материала позволит смягчить все вокруг, что он входит в этот темнеющий вечер с легким дождем, от которого не надо скрываться под зонтом, которого не было, — достаточно шляпы.

Он стоял около кинотеатра «Художественный» среди изрядной толпы, и просто стоял. Вокруг спрашивали лишнего билетика, — потому что действительно в кассе сказали, что на вечерний сеанс в выходной этот день билетов не было, но он не спрашивал. Он видел высокую стройную женщину — возраста он сразу не разобрал — которая стояла неподалеку, ожидая кого-то, она тоже ничего не спрашивала, но изредка оглядывалась по сторонам, очевидно кого-то встречая или ожидая. Его только удивила ее легкая смуглота, легкие тени под глазами, которые, впрочем, трудно было видеть в вечернем свете, в редких огнях, которые меняли лица. Вдруг к ней быстро подошел какой-то мальчик, подросток, впрочем, он был почти юноша, и стал быстро, но неслышно ему, что-то возбужденно ей говорить. Потом он так же резко отстранился от нее и так же быстро покинул площадь перед кино. Он увидел, что она на этот раз держит в руке билеты и оглядывается по сторонам, — она спросила одного проходящего человека, другого, и вдруг он увидел рядом со своим лицом, которое, впрочем, почти не видел, ее лицо. Оно показалось огромным, он, казалось, почувствовал свое сердцебиение раньше, чем она спросила его: «Вам не нужен билет?», и мгновенно ответил «Да», и тут она стала отрывать один голубой, вернее, синий билет от другого — по этим разделительным дырочкам — она это сделала очень быстро, не нарушив порядок не единый дырочки, — он видел отчетливо — точно разделив пополам каждое отверстие, — и он успел так же быстро спросить: «А Вы пойдете?», — она немного усмехнулась почему-то, ее левая бровь несколько дернулась вверх, и она отошла от него прежде, чем смогла что-то ответить.

Он смотрел на этот синий билет с черными обозначениями цифр, и почему-то радостно ничего не понимал, он только подумал, что вот эти дырочки, которые отделяют один билет от другого — это ведь признак дорогого кинотеатра, — в простом, как у них в городе, например, были почти такие же синие билеты, но никакими дырочками они не отделялись, а шли сплошняком, так что если отрывал один билет от другого, то оставался неровный след обрыва, хотя, тут он и об этом почему-то подумал, то можно было бы совместить оторванные билеты, а вот его с тем билетом совместить будет гораздо труднее, — он все вглядывался в линию отрыва своего билета и не видел ни одного дефекта на краю, хотя если вглядеться в края этих дырочек, то на размере пылинок можно и здесь все различить и совместить, и тут он вспомнил все же, что успел обменять билет из рук этой дамы на сизый пятирублевый банковский билет — почему он мысленно так назвал пять рублей? — он почувствовал аромат от ее лица, он все еще слышал его, хотя прошло несколько секунд после ее ухода, — он достал за чем-то из кармана другие пять рублей и за чем-то понюхал их, наверное, чтобы по контрасту запахов вспомнить ее молодое лицо с темными глазами.

Впрочем, он подумал: если подходил к ней ее сын, то ей где-нибудь под сорок, так что они почти ровесники. Он подумал, что если даже сейчас не пойдет в кино, — а он и не посмотрел, что же за фильм идет, то цель его поездки в Москву достигнута, он не забудет аромат этого лица, ему даже захотелось тут же бежать на вокзал, но он подавил свое малодушное желание.

В кино рядом с ним кресло было пусто, и даже когда началась предсеансовая кинохроника, оно долго пустовало, но потом через минуту, когда он слегка скосил направо глаза, то увидел, что кто-то рядом был, и когда он решился и еще сильнее повернул направо лицо, то увидел ее прекрасный профиль, который не повернулся, и

видимый ее глаз смотрел прямо перед собой. Потом во время фильма он иногда осторожно оглядывался на нее, но она не повернула ни разу голову в его сторону, словно она смотрела фильм с закрытыми глазами.

Фильм был иностранный и может быть даже цветной, но он почти ничего не запомнил, словно части картины, киноленты этой разделились опять до склейки всякого монтажа, в какой-то момент он уловил даже, как ему показалось, отдельные кадры, словно время на мгновение беспорядочно останавливалось, и он подумал, не сходит ли с ума от волнения. Вокруг иногда смеялись над некоторыми эпизодами, и он тоже иногда смеялся, но, как казалось ему, как-то невпопад и запоздало. Когда фильм кончился и медленно стал возникать свет, он вдруг повернулся к ней и спросил: «Простите, как Вас зовут?» Она впервые повернула к нему лицо, и прежде чем полностью загорелся свет и все встали, сказала: «Тамара Федоровна». Он почему-то сделал паузу, но все же назвал свое имя в ответ.

Она ничего не сказала ему, но он как-то понял, что можно идти рядом с ней, и он не спрашивал даже, можно ли ее проводить. Троллейбус, кажется, шел по Арбату и куда-то дальше, дальше, но он не запомнил. Она сказала, что это был сын, который сейчас как безумный, и она хотела продать или отдать второй билет, но почему-то все же решила пойти на этот фильм. Он думал, что она видела во время сеанса, что он смотрит на нее, но не дала ему об этом понять и сейчас не сказала, и вечерние тускнеющие огни за окном проходили по ее лицу, так же как иноземные разорванные образы проносились по ее сияющему глазу там в кинотеатре во время той темноты.

Так они ехали вместе и рядом в троллейбусе, почти не говоря, и он думал, что хорошо бы, если это длилось дольше, чтобы она просто привыкла быть рядом и не опасалась бы его. Он подумал о ее сыне, и о том, когда он был маленький, и видел ее помолодевшее лицо, он сам вдруг представил себя маленьким, который видит лицо прекрасной взрослой женщины и в которую он, возможно, даже влюблен сейчас, но, переносимый в детство, он и не знает такого слова, он просто смотрит на ее лицо, по которому пробегают вечерние отсветы от светофоров, и она иногда оглядывается, и он не решает ничего о ней подумать или спросить, он знает, что может сейчас закрыть глаза, и ничего не исчезнет, словно он сам создал этот вечерний прекрасный город, и это лицо и они не исчезнут. Он погружался в свой забытый детский мир и смотрел на ее лицо снизу вверх, видя его откуда-то из забытых годов, и он чувствовал себя перед еще не пережитым будущим, как в детстве.

Предутренние бдения

АЯ записывал, вернее, следил, что записывает его карандаш:

«Они долго не спали той ночью, хотя, конечно, Филомелин умел вообще не спать – то была особая техника, но и в некотором смысле искусство. Под конец их разговора на стене стали появляться смутные видения. Филомелин сказал, что так бывает перед засыпанием, – особенно яркие образы прошедшего дня, или дня давно ушедшего, или, может быть, будущего дня появляются на стене. Он сам еще фиксировал движения видений, и это было, по его словам, то, что он видел сегодня, но с фантастическими примесями: новоприбывшие – эти человеческие потоки, когда они хлынули в приготовленные бетонные русла.

“Не надо удивляться, что ты появился как бы на поезде, – сказал он, – прибывают отовсюду: из воздуха, из воды, но то, что сегодня, это особенно большое прибытие”. Они увидели на стене огромный бетонный желоб, который уходил от них и за далеким поворотом терялся. Оттуда, где был виден темный ангар, своим горбом скрывавшийся за горизонтом, шел тихий и монотонный гул. Можно было различить в этом гуле какие-то

голоса, но они казались каким-то неясным бормотаньем. Все же гул нарастал, и Филомелин стал более отчетливо вглядываться в стену, хотя сегодня он, наверное, уже видел и пережил. Из-за далекого поворота бетонного канала стала выдвигаться непроглядная вначале сероватая масса. Она двигалась небыстро, но неуклонно, она напоминала катящийся и застывающий в движении водный вал, но в ней стали различимы лица, как прежде различались и голоса. Теперь можно было понять, что это людская колонна, сдавленная по краям высокими бетонными стенами желоба. “Куда они идут?” – спросил он Филомелина. “Это только начало, они еще ничего сами не осознали, но их будут направлять постепенно по разным местам, сейчас важно, чтобы они прошли некоторое время сами по земле”. Людской поток был уже близко, видно было, что некоторые пытались оглядываться по сторонам, кто-то пытался заговорить с другими, но почти никто не понимал другого, так что казалось, что они разговаривают сами с собой, глаза их упирались в серый бетон, и они шли как будто потому, что передним был дан какой-то начальный толчок, и они катились вперед, потому что не могли остановиться, а остальные шли просто в общей инерции. Мелькали разные мужские и женские лица, люди были почти обнаженные и в лохмотьях одежды, которые хотелось назвать обломками одежды, кто-то был в грязных бинтах, один молодой шел в солдатских обмотках на одной ноге, половина из них были босые, в глубине толпы прошли несколько детей, один из детей постарше, подросток, хватался, как слепой, за рукава обгонявших его людей. Впереди замаячил какой-то темный гребень посередине этого огромного желоба, и стало ясно, что канал разделяется. Человеческий поток, не останавливаясь, разошелся на две струи и люди стали уходить друг от друга. Впрочем, они и сами не понимали, что их могло связать сейчас, когда все лица были словно бы покрыты серо-зеленым налетом. Нестройные голоса вероятно на всех наречиях были лишь как непонятные выкрики, не сливавшиеся в хор. Вдруг идущий посередине колонны высокий и постоянно качающий головой молодой человек остановился как раз там, где бетонный желоб раздваивался. Здесь бетонная стена была полуразрушена, возможно, из-за работ, когда сводились два бетонных русла. Из ребра сошедшихся бетонных плит торчали обнаженные и острые стебли арматуры. Тот молодой человек остановился перед этим как бы водоразделом, замер и перестал качать головой. Потом что-то прокричал и бросился грудью и обнаженным горлом на остроконечный арматурный стебель. Невероятно яркая красная кровь выбросилась из серого бетона, она плеснулась на плиты и окропила лица расходящихся в разные стороны людей, но почти никто не повернул головы в его сторону и только некоторые смахнули, как пыль, его кровь со своего лица. Но тут с двух сторон колонны отделились двое внешне почти неотличимых, но все же иных: с головы до ног они были облачены в зеленые комбинезоны. Они подхватили упавшего юношу, и один вырвал у себя из-за пазухи нечто вроде кнутовища. Он взмахнул рукой, и раздался непредставимой силы удар, нечто вроде голубоватой молнии опоясало всех стоявших здесь, и в раскаленном до предельной белизны воздухе стало видно, как капли крови хлынули обратно в центр к бетонному гребню – к тому упавшему человеку. И из темного вихря, который закрыл на время всех, вышел, закрыв глаза и шатаясь, этот человек, которого держали и сдавливали по сторонам двое надсмотрщиков в зеленых комбинезонах. “Это они называют световой склейкой, – прошептал Филомелин, – время в этом месте повернуло вспять, никто уже не может ускользнуть, нет обратной дороги”».

АЯ отвел от бумаги карандаш, он сидел, почти висая над обрывом, далеко внизу на мелководье играли Селена и Владик, а Юрий был на середине реки и плыл вверх по течению.

АЯ поднял руку и покачал ею в воздухе, и крикнул, и в ответ, услышав, Юрий, повернувшись на спину, тоже качнул рукой. Из-за дальнего поворота реки шла быстрая моторка. Юрий лег на спину и качался на воде, ожидая, когда пенный разрез волны косо захлестнет его, и его память о море наполнится чем-то радужным, разбитым на брызги.

АЯ поднялся на ноги и лег в густую траву за гребнем обрыва, он не глядел уже на реку и, раскрыв тетрадь, весь погрузился в глубину белого листа, он писал так:

«Филомелин почти засыпал, и бледнело видение на стене. Собственно, людской поток иссяк, и на бетонных плитах остались, шевелимые ветром, который слабо проходил в этом желобе, обрывки бумаг и материй, какой-то черный шнурок, пластмассовая заколка с несколькими светлыми или седыми длинными прядями, сухая грязь и цветная пыльца, поднимаемая в слабые вихри. Потом и это угасло. Филомелин тихо сказал, почти прошептал: “Мы можем с тобой, если хочешь, – ты, я вижу, тоже уже почти заснул, – войти в состояние общего сна. Мы не будем друг другу мешать, но наши сновидения будут пересекаться, встречаться и расходиться. Мы сможем также вести разговор, но он будет гораздо свободней, чем наяву. Не все, что мы будем сообщать друг другу, будет истиной или правдой, но мы будем способны почувствовать нечто небывалое. Возможно”. Они прикоснулись друг к другу – едва уловимо – головами, и тотчас начался общий их сон.

И он спросил в этом сне Филомелина: “То, что ты будешь говорить, имеет хоть какое-то отношение к этой стране, к этому городу или все, что мы сейчас увидим, будет наш совместный вымысел?” – “Ты как-то вычурно говоришь, – ответил Филомелин, – как будто и не ты это, а какой-то твой давний прообраз. Но так тоже хорошо, значит ты возвращаешься в какое-то свое время. Я тебе поэтому говорил, чтобы ты записывал, пусть и выдумывая даже, но в этом твоём романном движении что-то настоящее обязательно сверкнет. Сейчас ты сможешь даже увидеть себя как бы со стороны. Вот ты, я вижу тебя – сидишь за партой – но ты ли это, рядом с тобой какая-то девочка, в коричневом форменном платье с белыми кружевными оборками. Вы макаете ручки со стальными перышками в общую чернильницу, хотя вроде бы у каждого должна быть своя. Но, наверное, одна уже высохла, я вижу ее потускневший в бронзовой зелени край, вы пишете что-то старательно, а что видишь ты?” – “Я тоже вижу себя, только себя, а тебя не вижу, да и этот класс я увидел, но как будто уже миновал, я уже и там, но и в другом месте, в старшем классе другой школы, я присутствую сразу в нескольких временах. И это неприятно. У меня кружится голова. Что же делать?” – “Не беспокойся, так часто бывает сначала, когда проходишь через многие свои или чужие времена. Ты должен научиться быть сразу во многих своих, а может не только своих лицах. Ты должен понять, что ты – это множество твоих присутствий, иначе не получится себя собрать, и никто не сможет тебе помочь. Невозможно будет понять, ты ли это тот, кто ушел из той жизни тогда и вернулся сейчас”. – “А ты себя нашел?” – “Я нет. Поэтому и задержался здесь надолго. Вспомнил только, что в той жизни вроде бы учился на юриста и вот стал адвокатом здесь. Те, кто не вспомнят себя, остаются в этом бескрайнем городе, – мы говорим про себя, что мы в чистилище”. – “Но ты можешь еще о себе вспомнить?” – “Конечно, я прилагаю к этому все усилия. Хотя мне иногда и часто страшно, что если я вспомню что-то ужасное”. – “А я ощущаю себя и изнутри, как я переживал себя тогда, но и извне, я вижу себя как будто из зеркала, я вижу даже свой взгляд в себя, и у меня опять кружится голова, и я хочу тебя спросить о чем-то и не знаю, о чем, я ли это или еще кто-то, кто был рядом со мной, а я это он, но я его не узнаю?” – “Такое тоже бывает, я переживал это много раз, но надо научиться так существовать, пусть даже в нашем общем сне, мы помогаем друг другу, и мне хотелось бы, чтобы и ты мою жизнь увидел и мне помог”. – “Я постараюсь. Вот я что-то вижу, я вижу тебя в полете, и я вроде бы рядом с тобою лечу. Мы летим почему-то ночью, но внизу светло. Это равнины, они кажутся тревожными, но они какие-то светлые при этом. Мы летим над полями, над озерами, и вот еще один или тот же город какой-то, и один только сад там виден, и в этом вечернем саду я вижу двух людей, мужчину и женщину, и я почему-то думаю, что это твои родители”. – “Почему?” – “Не знаю, отец в очках и в старом костюме, и мать в опрятном платье, они стоят оба опершись на спинку деревянной скамьи. Оба полузакрыв глаза. Мне кажется, что они что-то

шептали. И не знаю почему, но знаю, что рядом на земле лежит их окаменевшая молитва. Не понимаю, что это такое”. – “То, что говоришь, мне тяжело. Но без тебя я никогда не пролетал над этим городом и садом. И мне кажется, что то, что ты сказал, правда”. – “Но мы летим уже куда-то дальше”. – “Да, я вижу, но ты говори, говори, потому что я могу видеть и совсем иное, чем ты, мы ведь соединяемся и расходимся почти незаметно в полете”. – “Да, я вижу этот большой, безграничный город, но он кажется внизу маленьким, вот готический шпиль, вот многоглавые церкви, я вижу площади и ратушу, слышу мелодичные куранты, отбивающие часы, и тихий далекий откуда-то из глуби голос колоколов, и все такое почти игрушечное, мир под нами в миниатюре”. – “Если хочешь, ты можешь попросить, и этот маленький город появится из сна въяве, но зачем тебе такой миниатюрный материальный город, что ты будешь с ним делать, носить с собой? Но он сломается, лучше пусть он остается здесь во сне. Созданное тобой во сне не исчезает”. – «Но я хочу тебя спросить, хотя не знаю, слышишь ли ты меня настоящего или того, кто во сне, почему вы, мы все, кто способен увидеть и воссоздать так много, не способны вернуть сюда именно тебя или меня или вернее не знаете, тот ли ты или твой двойник, твой незнакомый брат?”. – “Потому что они поторопились, они думали, что, обьяв взглядом всю вселенную, они и душу твою или мою или другого найдут, но любой тебе скажет, что он единственный во вселенной, и не найти все соединение всех частиц, которые составляли его как единого и единственного, – но даже этого будет мало, если удастся, они нашли, что каждая частица, каждый атом и электрон, что кажется неотличим один от другого, на самом деле отличим, это тончайший свет, что различает в немыслимой тонкости одну частицу от другой, но этого оказалось мало, они нашли эту мертвую воду, и склеили части каждого, но где же живая вода, чтобы по истине соединить и вернуть твою душу?”. – “Ты говоришь “они”, но кто это “они”, где они? На каких звездах? Или они рядом, во всех домах? Где эти правители или кто еще там?”. – “Никто их не видел, вернее, многие видели, но тут же забывали – это неотменимое правило, они правят незримо и постоянно, и все уверены в их присутствии, но их не знают”».

Тут головы АЯ что-то коснулось, и он увидел тень на траве. Он, лежавший ничком в траве и быстро записывавший все в тетрадь, словно бы не замечал жаркого солнца, хотя белая его рубашка была уже мокрая от пота. Он почувствовал сразу свежесть и понял, как нагрелась его голова, он повернул голову и увидел в высоте над собой улыбающихся Юрия и Селену, а совсем рядом с собой большие глаза Владика, который положил ему на голову свою белую панамку.

- Что ты пишешь? – спросил Владик, заглядывая в тетрадь.
- А ты сможешь прочесть?
- Я знаю буквы и даже слова.
- Какие же слова?
- Я вот увидел слово, которое знаю.
- Какое?
- «Молитва».
- И что же оно значит?
- Это когда просят себя защитить.
- У кого просят?
- А еще знаю слово «любовь».
- Где же ты его увидел? Там его нет. А, да, там есть слово «любой».
- Я, наверное, ошибся.
- А может быть и нет.

И все вчетвером они засмеялись каждый по-своему.

Они все вначале весело, но все же устало пошли обратно по солнечной улице, Селена и мальчик опять обогнали их двоих, играя в какую-то им лишь известную игру. «Что ж ты, забросил сегодня свою живопись на дно реки?» – спросил АЯ. «Именно так, но

ты, я видел, работал за двоих». – «Потому что утро там никак не наступает». – «Смотри, как бы тот молодой человек, которому адвокат повелел писать, не стал водить твоей рукой». – «Нет, я ему не позволю, хотя, если честно, мне иногда кажется, что это не я заглядываю туда, а он пытается взглянуть на свое прошлое и на него повлиять». – «Вряд ли ему это удастся».

Тут Юрий отвлекся, потому что поздоровался с молодой женщиной, шедшей по их теневой стороне улицы им навстречу. «Мама одного из моих учеников». – «А где сам-то ученик?». – «Где-то на вакациях далеко на юге, здесь его след простыл. Хотя я жалею иногда о прекращении занятий с ним, он историю пытался понять и рыл во все стороны».

Они незаметно приблизились к центру города и почти случайно завернули на базар. Покупать здесь АЯ ничего не мог по причине безденежья, но ему нравилось временами проходить мимо рыночных лотков не столько ради красок, сколько ради запахов. Рослый, грузинский, по-видимому, юноша торговал виноградом. И вдруг АЯ захотелось купить для Селены гроздь черного винограда. Он выбрал небольшую кисть, и продавец зачем-то полил ее обильно водой, наверное, для дополнительного сверкания. АЯ нащупал рубли в кармане, понимая, что может не хватить, и тут Юрий передал едва ощутимо ему в ладонь темные синеватые пять рублей. Продавец решил завернуть эту кисть в бумагу, но пергамента оберточного не нашел и оторвал половину газеты, попробовав охватить ею виноград, газетная бумага сразу намокла, он пытался свернуть кулек, но как-то скомкал, и газета облекла всю гроздь. «Зато свежим донесешь, – промолвил продавец, – она обрадуется». АЯ нес гроздь на весу, влажные газетные буквы явственней проступили, но прочесть было невозможно, потому что они были вверх ногами, отчетливо, до крупного зернения проступила и фотография, на которой также перевернутый человек в белой шляпе, разглядывая, трогал пшеничные колосья в своей руке. Но для АЯ было важным, что он увидел, что отсыревшая бумага обернула все выпуклые ягоды, и это целое стало напоминать человеческое тело, проступающее лишь неясными контурами под оболочкой. АЯ почему-то представил какую-то восточную женщину под покрывалом, полностью скрытую от глаз, или фигуру античной статуи, что облекают складки мрамора, правда, на котором пропечатаны буквы из нынешнего времени, – мраморной простыней, ожидающей, когда ее сдернут и откроют невиданную красоту.

Они шли затем по улице, и Юрий внушал АЯ, что тот должен добраться в романе до следующего утра, которое никак не наступит, а АЯ думал только о виноградной грозди, которую нес в горсти и которая холодила его пальцы, и о том, что предутреннее бдение его в будущем рядом с Филомелиным было такое же прохладное и свежее.

День суда

Они подошли к бабушкиному дому, и Юрий уже хотел по привычке повернуть назад, но выбежавшая из-за ограды Селена сообщила о бабушкиной записке: она уехала на день к своей подруге в Малоярославец, так что он может смело зайти в сад, который прежде считал запретным местом для себя. Они вошли в этот вечерний уже тенистый сад, и так как Юрий отказался все же входить в дом, расположились вокруг стола в саду под яблоней. АЯ надорвал газету, приоткрыв виноградные ягоды, и попросил у Селены тарелку, чтобы положить виноград и прикрыть марлей от птиц или от мух, но Селена засмеялась и тут же унесла виноград, сказав, что раз он ей предназначен, то она с Владиком, который был в доме, сама распорядится подарком.

Юрий тяжело опустился на скамью и спросил АЯ, что тот собирается делать сейчас дальше. АЯ сказал, что пытается сосредоточиться для продолжения письма, но чтобы Юрий не вмешивался все время и, если хочет, пусть пишет нечто параллельное, на что Юрий заявил, что к такого рода писаниям у него нет способностей, но он в этом романе заинтересован, потому что уже вошел в него и проник, и чтобы АЯ не мешал хотя бы

думать о его произведении, на что АЯ, подумав, согласился, потому что не может и не хочет запретить, но все же, когда попросит, чтобы Юрий молчал. АЯ сказал: «Ты понимаешь, что утро наступило, и с ним наступил важнейший день, когда будет решаться, что произойдет с ним будущим, потому что это день суда, правда, я не знаю, что и как будет происходить». Юрий произнес серьезно: «Я расскажу о том, что произошло со мной десять лет назад в такой же летний день. Когда я был не так далеко отсюда в Оптиной пустыни. Ты знаешь, что это за место?» – «Да, я слышал что-то, о каких-то старцах там». – «Десять лет назад там не было уже никаких старцев, там были только молодые люди, некоторые из которых судили других таких же молодых людей. А чтобы они, подсудимые, не убежали, по сторожевым башням бывшей монастырской ограды были расставлены часовые. И суд происходил в одном из бывших соборов, так что будущая жизнь моя решалась под церковными сводами». – «Ты мне об этом не говорил, и не знаю, почему ты там оказался». – «Думаю, что ты кое-что уже знаешь и о чем-то догадываешься. Для меня самое странное было оказаться в плену у своих, хотя, впрочем, каких своих? Там я бежал из немецкого плена, а здесь куда бежать? Еще хорошо, мне говорили, что по пятьдесят восьмой мне дали десять лет, а могло быть... выше... много выше». – «Ты мне сейчас это говоришь, чтобы подготовить меня к тому, что произойдет в романе в день суда?». – «Да, нет, ничего такого не хочу, я скоро уйду».

Тут появилась Селена с кринкой молока и черным хлебом в руках. Она поставила это на стол под яблоней, но сказала, что должна пойти к Владику, ей самой интересно с ним, наверное, интереснее, чем ему, и что она ему скоро надоест, и тогда она вернется к ним. Они молча нарезали хлеб и запивали его прохладным молоком. Потом, усмехнувшись, Юрий произнес: «Почему-то только сейчас я вдруг сопоставил рыцаря Тристана с другим печальным персонажем». – «Каким?» – «El caballero de la triste figure». – «Не понимаю, о чем ты». – «Ладно, потом... ты вообще о Тристане что-нибудь слышал?» – «Только про меч между ним и Изольдой, а к чему ты все это?» – «Понятно... завидую тебе... тебе предстоит еще многое узнать. Просто мне непонятно, как ты относишься к Селене... ну, это не так важно. А вот почему ты никогда не купаешься с нами в реке?» – «Я плохо плаваю... ну, и вообще». – «Мне кажется, что ты боишься». – «Чего?» – «Ты меня спрашиваешь? Но вообще могу попробовать представить... то, что ты, возможно, сам не сознаешь... и не признаешься... это как-то связано с твоим романом... ты хочешь вглядываясь туда, в ту даль... твоего вернувшегося, как ты называешь, персонажа, понять, что произошло с ним, а может быть, и с тобой в этой жизни... и это связано с рекой... и ты этого пугаешься...» – «Но я не знаю, кто тот персонаж». – «Это я понял, на этом держится хлипкая надежда адвоката на суде». – «Но я должен это написать, хотя не знаю, чем там дело... нескончаемое дело... кончится». – «Ты должен писать непрерывно? Хотя на каникулах. Ради романа и сбежал из Москвы? Опять страх?» – «Мне кажется... нет, не то... я должен его завершить... этим летом... это почти моя летопись... не то говорю... я не знаю, что со мной будет, когда вернусь осенью в Москву». – «А ты не возвращайся... хотя это я так, со своей колокольни говорю... знаю, что ты вернешься». – «Если допишу... но я не мог не уехать оттуда». – «То есть ты сбежал... а все родственные причины – предлог?» – «Нет, конечно, но, я, сдав все экзамены... сбежал из университета... можно ли так сказать?» – «Что же в университете такого произошло, поняли, что теория относительности сама относительна?» – «Нет, не то, это касается только меня... я думал туда не возвращаться в сентябре, но нет, я вернусь... если чего-то не случится...»

«Что может случиться?» – спросил Юрий и, не получив ответа, пошел по дорожке к калитке. АЯ достал тетрадь и, макая хлеб в молоко, стал записывать неизменным химическим карандашом:

«Утром, только они пробудились, Филомелин велел ему привести себя в самый торжественный вид. “Ты, правда, все равно будешь ждать у входа, но все же так полагается”.

“Ты меня разочаровываешь, я-то думал, что меня туда доставят под конвоем. А меня оставляют на свободе, а если я попытаюсь скрыться?” – “Бесполезно. Попытки были, да и происходят постоянно. Но куда скрыться? Везде недреманные очи”. – “Сколько же мне придется ждать?” – “Не знаю. Не скрою, положение твое было тяжелое, но сейчас после этой ночи появилась надежда. Ведь тебе вменяют, думаю, ты понял, самое тяжелое преступление, которое ты мог совершить тогда – самоубийство. Нет наказания серьезней за это. Но что они сейчас смогут предъявить? Мы пытались пройти по всем слоям твоей памяти, и это подтверждено всеми записями, – тем, что сейчас зримо перед нами. Несколько смутных образов каких-то исписанных бумажных листов, плывущих по реке? Что произошло, неизвестно. Но главное, с тобой ли это произошло? Правда, бывают редкие случаи, когда два человеческих образа соединяются в один, но это не твой случай. Ты ли там был, или твой друг тебе рассказал, или тебе это привиделось перед сном, никто ничего не сможет сказать, потребуется большое время, чтобы можно было что-то новое с твоей помощью найти”. – “Что же мне вменяют?” – “А ты не понимаешь? Ты нарушил все основные законы. И первое: ты сотворил себе кумира, ты сам стал им, раз ты решил распоряжаться тем, что не тобой было тебе дано”. – “Но разве человеческие законы ничего не значат?” – “Мне казалось, тебе все должно было стать ясным – тут человеческий и высший суд – это единое”.

Они спустились вниз к подножью дома Филомелина, и тут же подбежала темная машина с открытым верхом, дверцы сами распахнулись. Он знал, что Филомелин может даже не называть направление, машина поймет и без слов, но Филомелин проговорил, по-видимому в основном для того, чтобы он понял, куда они держат путь. “Это на другом краю города”, – уточнил для него Филомелин. И они быстро полетели у самой земли, но ее не касаясь. Он впервые двигался по городу так далеко, и не могло его не захватить пространство с какими-то красивыми садами и кварталами с необычными домами, хотя встречались и неожиданные пустоши, но особенно его поразили монументы, здесь были памятники людям, которых, он, казалось, узнавал, но были и неизвестные.

Машина ускорила, и город уже кружился вокруг лентами мельканий, все же у перекрестков машина иногда замедлялась, хотя, возможно, в том не было особой необходимости: он увидел, как две летящие на перекрестке навстречу друг другу машины просто пронесли одна сквозь другую, словно бы не заметив этого. Судя по всему, далекая окраина приближалась, дома стали реже, и машина постепенно замедляла ход. Вдали в этом пасмурном дне завиднелось какое-то здание, и по мере приближения оно вырастало на глазах, уходя вершиной за высокие и непроглядные сейчас облака. Он увидел перед зданием какие-то серые складки, которые показались ему морщинами моря, но он понял, что это широкие каменные ступени, восходящие ко входу циклопического здания.

Они начали подниматься по ступеням, но Филомелин велел ему остановиться. “Но как же я узнаю решение?” – “Каждый камень, каждое дерево подскажут, можно идти в город, тебя известят несомненно”. – “Но сколько же продлится... это?” – “Заседание? Не знаю, никогда предсказать нельзя”. И вдруг, уже уходя вверх, Филомелин обернулся и сказал:

– Не унывай!

И то, что произнесено было почти весело, и обращение к нему на ты, да и само слово, которого он не ждал от Филомелина, как-то радостно взбодрило его, стоящего на ступенях. Он уже почувствовал глубокое одиночество, но эти слова все же жили внутри, и ожидание – долгое возможно, – как он предвидел, не казалось уже таким тревожным. Хотя тревожиться, наверное, стоило. Но его сейчас охватила какая-то печаль, потому что он внезапно понял, что так редко думал о своих друзьях, никого из которых он еще не

встречал, а может быть мог бы встретить, вероятно, здесь на ступенях суда. И одиночество бы его рассеялось. Он понимал, что думать так наивно, и все же в нервном напряжении, которое охватывало его помимо желания, думал. Он огляделся. Бесконечная каменная лестница, шедшая кольцом вокруг здания, теперь показалась не такой уж пустынной. Где-то вдалеке он увидел людей, прохаживающих по плоскостям ступеней, или даже сидящих. Он увидел сидящую женщину, наверное, баюкающую ребенка, которого держала на коленях. Пошел к группе молодых людей, но увидел, что они заняты разговором между собой, и не стал подходить. Навстречу ему шел какой-то человек, приостанавливаясь и потом опять продвигаясь дальше слабыми шагами. Тогда и он пошел ему навстречу. Он увидел человека, по-видимому очень изможденного, с запавшими глазами и густой седоватой щетиной, в вороте раскрытой рубашки был виден нательный крест. Человек начал что-то быстро и тихо говорить, почти шептать. Язык был незнакомый, но он понял, что понимает этого человека. Тот сказал, что ждет уже не первый день, потом шла невнятная речь, а в конце он сказал опять понятно: «Но мы с вами подождем, мы столько ждали этого дня». И улыбнулся из глубины своих глаз, протянул руку для рукопожатия и, отвернувшись, пошел обратно по той ступеньке, по которой и приблизился.

То, что сказал ему Филомелин, означало, что сейчас он свободен, и может поэтому идти в эту незнакомую часть города, и он проник в город».

АЯ закрыл глаза почти в изнеможении, рука уже не двигалась и не знала, что писать дальше, но тут он услышал, как в отдаленье мягко хлопнула калитка, и стали слышны шаги. Он не понимал, кто это мог быть, и с удивлением увидел вернувшегося Юрия. В летних сумерках его лицо показалось ему даже не совсем знакомым.

– Я тебя уведу из твоего бедственного города... на несколько часов... если не испугаешься, конечно.

– Что ты меня все время подозреваешь в чем-то... что я боюсь...

– Потому что ты не прошел настоящие страхи... Но сейчас... что уж там... Почти безделица... хотя для кого как ... ко мне зашла та мама моего ученика, которую мы встретили сегодня на улице... а ее встретили сестры Фиалковские... ты наверное слышал о них...

– Погоди... только у них же другая фамилия... вечно ты что-нибудь сместишь... ради красного словца... Или красной буквы, как здесь... они же из одной из самых известных семей в городе...

– Да это я из конспирации, – смеясь, сказал Юрий.

«Но, слушай, – продолжал он, – они сообщили, что сегодня вечером будет тайное собрание». – «Какое собрание?» – «Можно сказать, катакомбное». – «Что это значит?» – «Можно сказать, первых христиан». – «Каких первых... у нас же православные церкви есть не закрытые». – «Но это все не то, ты что, не знаешь, что есть внешнее... официальное... А есть глубинное, что преследуется». – «Но у нас же свобода совести». – «Теперь ты меня провоцируешь... Спрошу поэтому тебя, что тебе подсказывает твоя комсомольская совесть?» – «Она чиста». – «Что ты имеешь в виду? Перед кем чиста? Ну, ладно... В общем, готов ты пойти со мною на тайное собрание?» – «Дай мне подумать». – «Только не долго... Понимаю, вот так решиться... ты и из евангелия-то читал только некоторые страницы... да и то, как ты говорил, наполовину сожженные... понимаю твою осторожность... но даже если узнают, что они сделают? ...максимум выговор с занесением в учетную карточку... шучу, конечно, но это же не Древний Рим, где христиан пытали, мучали... хотя... тридцать лет назад в нашем Третьем Риме еще как мучали христиан». – «А сестры Фиалковские, как ты их называешь, пойдут туда?» – «Нет, они не пойдут, но сказали, куда и во сколько идти». – «Ну да, их же отец просвещенный атеист, философ, хотя и крещеный». – «Но они мне говорили, что у их отца как-то было видение: он в вечерних облаках увидел как бы буквы, которые составляли слово “чАу”, и он

вначале не мог понять, что это может значить». – «Искаженный “чАй”?». – «Нет, когда он прочел это латинскими буквами, то понял». – «И что же?» – «А ты не понимаешь?» – «Нет». – “рАй”, хотя облачные буквы потом исчезли».

После молчания Юрий сказал: «Все шутки в сторону. Идем». АЯ поднялся. Тут прошелестела тропинка, и появилась веселая Селена:

– Он смешной, – сказала она, – я укладывала его спать и стала рассказывать ему сказку, наполовину придуманную, в какой-то момент он вмешался и сам захотел продолжать, а потом говорит: «Теперь ты рассказывай дальше», так мы с ним чередовались, я упомянула Гулливера и лилипутов и спросила, знает он, кто это, он сказал, что конечно знает – ему мама читала книжку, но ему больше нравится Гулливер среди великанов. Я спросила – почему? Он ответил, что для него и дядя Юра, и я, и АЯ – великаны. Я сказала, какие же мы великаны, мы просто взрослые. Но тут он пытался убедить меня, что, если бы мы бродили среди людей, которые гораздо выше нас, мы бы чувствовали себя, как он. Тут он придумал и название для таких, как он, и для нас каждого тоже – «Гулливер-лилипут», и оно ему так понравилось, что он его повторил несколько раз, и смеясь, повторял, засыпая.

Но тут Селена заметила, что они собираются уходить. «Куда вы собрались?» – спросила она.

– Туда, куда мы идем, тебе надо надеть косынку, – сказал АЯ.

– Зачем? Ну, хорошо... – произнесла Селена и побежала к дому.

– Ты почему без меня решил, что она может туда пойти? – сурово сказал Юрий, – ты что, не понял, что об этом никто кроме нескольких посвященных не должен знать. Все очень серьезно. Я не знаю, допустят ли тебя. ... А, ты вообще был когда-нибудь в храме?

– Заходил один раз.

– Заходил... и запомнил только то, что женщины не могут быть там простоволосыми?

Тут вернулась Селена, новая косынка была завязана узлом на шее и лежала на плечах. Эта новая косынка ей очень шла, и было видно, что она, наверное, постояла перед зеркалом, уходя из дома.

– Я готова.

Но только они вышли за калитку, как Юрий повернулся к ней:

– Я думаю, Владика нельзя оставлять одного в пустом доме.

– Но он же спит... как сурок... Что может случиться?

– Все же я думаю, тебе лучше вернуться, – ничего не объясняя, произнес Юрий.

Селена приостановилась, отвернулась и медленно пошла обратно к калитке.

– Селена, мы ненадолго, – тихо сказал АЯ, но она, казалось, не слышала.

– Зачем ты ее обидел? – повернулся он к Юрию.

– Ты не понимаешь, что так лучше для нее. Куда мы идем, небезопасное место. Я не уверен, что за этим домом уже не следят. Тех, кто приходит туда, может быть, отмечают. Но тебя я решил позвать. Потому что, наверное, это нужно для твоей книги. И здесь уже выбора нет. Хотя ты, может, и не войдешь туда... да и допустят ли тебя туда?

– Далеко нам идти?

– Нет, не очень. За пятнадцать минут дойдем. Я ждал, что меня позовут. Отец Николай, который и будет сегодня там служить, недавно освободился. Мне верные люди говорили. Я знаком с ним хорошо. И в пересыльном лагере, и потом в Котласе. Он, между прочим, можно сказать, спас меня... Он приучил меня к смирению... Я из Котласа собрался бежать... помня легенды, которые ходили там... об удачных побегах... о братьях Солонцевичах... или Солоневичах, которые еще в тридцатые убежали в Финляндию, правда, из Медвежьегорска, кажется... а там до границы что-то сотня верст... из Котласа-то в десять раз дальше... пришлось бы по тайге глухой идти... Между озерами Белое и Лача... Вспоминал я тогда строки из Даниила Заточника, который был в заточении как раз в тех местах... «Объяла меня нищета, как Чермное море фараона»... И действительно

нищета была предельная, и мне было все равно... «смерти не вкусившие»?... а мне казалось, что я готов вкусить... «и смерти неимущих»? а я готов был хоть это имущество обрести... я же из немецкого лагеря бежал, почему из нашего не смогу?... И тут отец Николай внушил мне, что я иду на верную гибель, что это несомненно самоубийство... что это нельзя... что надо принимать свой крест и нести его... и я постепенно проникся его словами...

– А давно ты его не видел?

– Несколько лет... Нас разлучили... обычная история... А там у нас было такое сообщество... такие люди... разные... и веселые тоже... это в каком же году было? В пятидесятом? или сорок девятом? Кто же предложил тогда? Раз есть Госполитиздат, то у нас будет Космополитиздат... мы будем издавать звуки и слова поэтические... понятно, не на печатном станке... только устно... и мы стали передавать друг другу, кто что помнил, строки на английском, на идише, на польском, даже на хинди... или переводы на русский язык и старались это запомнить... я много помнил,... теперь многое, наверное, забыл... И отец Николай произносил строки на древнегреческом, на арамейском... из Библии тоже.

Они подошли к большому заглохшему саду – не так уж далеко от центра города – за деревьями виделась темная крыша одноэтажного дома. Юрий спокойно толкнул калитку – она была не заперта. По дорожке они прошли под яблонями, и когда повернули за кустами, то навстречу к ним вышли две женщины, еще не пожилые, в платочках. Видно было, что они знали Юрия и поздоровались с ним. Потом повернулись к АЯ, и одна спросила:

– Крещеный?

И АЯ сказал:

– Не знаю.

Тогда женщины пошли к дому, и одна из них, обернувшись, даже улыбнулась им.

– Ты хорошо их знаешь?

– Одну, да, она бывшая монахиня из женского монастыря в Зосимовой пустыни, вторую – меньше.

– Мы можем войти туда, – сказал Юрий и двинулся вперед, но увидев, что АЯ стоит неподвижно, сказал:

– Я пойду. А ты, если хочешь, тоже можешь войти.

И он ушел. АЯ долго стоял, не зная, что делать. Он думал, что еще не готов. Он прислушивался, ничего не было слышно кроме тихого шелестения листьев яблони. И потом ему показалось, что он слышит идущее из дома едва уловимое песнопение. И он, как ему почудилось, даже радостный, повернул назад.

Когда он вышел на свою улицу, то увидел идущую издалека маленькую фигурку. И по мере приближения ему казалось, что она превращается несомненно в фигурку Селены. И он поверил наконец, что это правда. Они встретились, подойдя с двух сторон к свету уличного фонаря, и как раз их шаги сошлись посередине этого круга.

Селена улыбнулась ему, как ему показалось, странной и немного скорбной улыбкой:

– Ты, наверное, хочешь спросить, обиделась ли я, когда Юрий прогнал меня? Да, вначале сильно обиделась. Но потом, когда вышла опять на улицу и увидела, что вы идете куда-то так быстро... то поняла, что вам надо туда идти... и вы... Юрий, конечно же, позвал бы меня... если бы это не было... чем-то... не знаю, как это произнести... тайным... у нас ведь не было друг от друга ничего скрытого... но я стала догадываться... что ты меня не на танцы или куда-то еще позвал. – И она развязала косынку и положила ее в карман.

– Что же мы стоим посреди дороги? – спросил АЯ.

И они решили уйти из светового круга от фонаря к обочине, где рядом с заборами росли деревья, и стали в тень пирамидального тополя, высокого, как кипарис, так что свет лишь немного к ним проникал, задевая листья по краям дерева.

– Что там у тебя произошло? – спросила Селена.

– Сейчас?

– Да нет... я про нынешние дела не буду выпытывать... там в книге твоей.

– А я что-то забыл... дай вспомнить... ну да... он пошел от здания суда... куда его не пустили... в город.

– И наверняка он повстречает какую-нибудь женщину... этот твой... не знаю, как его назвать... как предложил Юрий, твой Я. ...ведь у тебя там женских персонажей почти не мелькало даже...

– Возможно... да... появится.

– Но вот теперь рассказывай ты.

– Но мне надо записывать, а то забуду...

– Тебе что, обязательно сложить троесперстие, в нем зажать химический карандаш, чтобы пробудить себя? ...рассказывай, и вместе мы не забудем.

АЯ вначале нерешительно, но потом увереннее начал говорить, временами он закрывал глаза, как бы вглядываясь в себя:

«Я. медленно сошел со ступеней здания суда и направился в город, – эту часть он совершенно не представлял. Кварталы вокруг суда были пустынные, но затем стали появляться люди, которые или спешили, или просто прогуливались, но все же был какой-то оттенок неподлинности, словно эти дома и эти люди были не до конца нарисованы.

Но странно, вдруг он почувствовал нечто, нарушившее его одиночество, некоторые лица из мелькавших мимо людей ему показались знакомыми. Он не мог вспомнить, где видел эти лица, но понимал, что их встреча происходила. И городские кварталы, и дворы с асфальтом и землей напомнили ему дворы Москвы или иных городов, где он бывал.

День был пасмурный, но теплый, и на открытых верандах сидели праздные, как ему казались, группы мужчин и женщин, хотя оттенок странности присутствовал и здесь. Он увидел огромное полупрозрачное пространство, накрытое прозрачным тентом, куда входили, по-видимому, свободно. И он тоже решил войти туда.

За многочисленными столами сидели, откинувшись в креслах, люди разного возраста. Где-то вдалеке Я. разглядел даже маленького ребенка, сидевшего, наверное, со своими родителями, на столах почти у всех стояли бокалы с разноцветными жидкостями, возможно винами, кое-где были заметны и тарелки с закусками. Я. сразу понял, что никто не разговаривал друг с другом, но тем не менее над столами стоял разноязыкий тихий и сливающийся в монотонное гудение говор, можно было понять, что каждый из откинувшихся назад в кресле разговаривает сам с собой. Временами некоторые словно бы пробуждались и глядели отрешенно. Некоторые просто сидели словно бы погрузившись в себя, не произнося ни слова, но видна была их сосредоточенность на своих мыслях.

Были и некоторые молодые люди и девушки, сидевшие как будто в стороне и не принимавшие участие в этом несомненно всеобщем действе, где каждый был разобщен с другими и все же связан общим соучастием в непонятном бдении под прозрачной завесой, отделявшей всех от туманного и облачного неба.

Я. оглядывался, не понимая, не зная, стоит ли ему занять одно из пустых кресел – таких было достаточно – но что бы он стал делать? Он не понимал. Глазами он переходил с одного лица на другое и осознавал, что видит все больше узнаваемых лиц – вернее, почти узнаваемых, он не мог вспомнить, где бы он видеть точно хоть одно. И кто это. Наконец совсем с краю он увидел сидящую за столиком одинокую девушку, перед ней стоял бокал темного вина, и она сидела совсем как посторонняя. Я. понял совершенно отчетливо, что узнает эту красивую девушку, но сколько ни пытался, даже призрачных ассоциаций не появлялось, где, с кем и в каком месте он мог ее видеть. Он понимал, что

не может не подойти – это единственный способ что-то понять – и все же робел и колебался.

Он ждал, что она посмотрит в его сторону, но она не посмотрела, разглядывая и вертя в руках маленький шарик, который переливался и неясно сверкал. Все же он стал продвигаться к ней ближе, задевая ноги людей и ножки кресел. И сложным зигзагом добрался до ее столика, показывая взглядом на пустующее кресло, можно ли занять?

– Можно мне присесть сюда? – спросил он и, не дождавшись ответа и не сядя в кресло, произнес с некой робостью:

– Мне кажется, мы где-то встречались... нет, я не то говорю... может быть, где-то виделись.

Девушка только на миг оторвалась от шарика и спросила:

– В городе?

– Нет... там.

– А где там?

– Я не знаю.

– Такое здесь бывает... но все же попытайтесь вспомнить.

– Я не могу... я видел здесь несколько знакомых лиц... но не могу сказать, почему они мне знакомы.

– То есть я должна поверить на слово, что мы знакомы.

– Да, наверное... а вы меня не узнаете?

– Нет... совсем нет... хотя здесь бывают странные искажения памяти. Люди не узнают свои родных или принимают за своих родственников совсем чужих людей. Сумасшедших – здесь это редкость – не беру в расчет. Или выдающих себя за таких: ходил здесь один человек, искал свою Эвридику, оказалось – притворялся.

– И что же бывает потом с такими?

– Да ничего... особенного. Вы, я вижу, не так давно в городе.

– А вы?

– Я, можно сказать, старожил... хотя по каким меркам судить... все тут ждут в основном... своей участи...

– Но я видел, что все чем-то заняты...

– Да, без занятий никто не остается... и все же все ждут

– Чего? Это что, перевалочный пункт?

– Можно сказать и так.

– Или пересыльная тюрьма?

Девушка ничего не ответила.

– А что значат эти фигуры в креслах... в полусне?

– Да, здесь место, где можно попасть в свое прошлое.

– То есть увидеть сон о своем прошлом?

– Нет, не так... совсем не так... они в своем состоянии... а для этого нужен один глоток из бокала... попадают по-настоящему в прошлое...

– Но я и говорю: как во сне?

– Нет... здесь совсем другое... во сне там все время что-то перебивает... в один и тот же сон попасть невозможно... там хаос из фрагментов памяти... а здесь ты реально попадаешь в эпизод своей жизни... и можешь туда возвращаться...

– И что же, находятся такие смелые люди, что готовы нырять в свою жизнь вновь и вновь?

– Как видишь... некоторые возвращаются в прекрасный эпизод своей жизни.

– Но они могут вернуться обратно... по своему желанию?

– Здесь да... а вот если их пошлют далеко за пределы города... – Тут она подняла глаза к небу. – Там будет уже серьезней... некоторые так и не смогут выбраться за границы прекрасного мига своей жизни... причем они не смогут знать, что это бесконечное повторение... они входят в это состояние такими же, как и прежде...

– Но ведь это ужасно...

– Но здесь... как считается, – тут девушка горько улыбнулась, – торжествует справедливость. Но есть и те, которые входят в свои страдания, и потом это повторяется вновь и вновь... без окончания...

– Мне чудилось раньше, что не может быть повторяющейся силы страдания... человек ведь привыкает к мучениям...

– Но здесь он входит туда в повторение с прежней памятью... и это без конца. Но если ты внимательно посмотришь, то увидишь, что люди возвращаются в свое обычное состояние. Они могут вернуться из погружения... они управляют собой... достаточно им на некоторое время закрыть глаза... и они вернутся сюда. Ты можешь увидеть различия: некоторые почти неподвижны, сосредоточены и серьезны, но внутри себя они могут переживать нескончаемую радость. Другие, напротив: внешне могут быть веселы, выглядеть оживленными, подливать себе этого вина... но на самом деле они погружены в грустные и тяжелые переживания... они думают, что, вернувшись туда, куда их ведет совесть, они смогут избыть эту скорбь и вернуться все же другими, а если встретят тех, кому причинили... зло... или печаль, то смогут как-то оправдаться перед ними.

– Неужели находятся те, кто сознательно опять переживает боль?

– Да, такие есть... здесь место, где можно испытывать различные чувства... некоторые рискуют... хотя знают, что последует наказание... даже может быть изменено решение суда... несильно... как они считают... но бывали разные случаи... человек и здесь все время стремится выйти за отмеренные пределы... нарушает правила... законы... пытается в этом сне ускользнуть... не хочу сказать «судьбы»... здесь это слово... и понятие отвергнуто и запрещено... но все равно находятся те, кто отвергают и эти запреты... здесь может быть вымысел, а не действия настоящие... они происходят в других местах... здесь только невинные по сути забавы... вот видишь эту молодую пару? Они устремили взгляд к далеким домам... они смотрят, не мигая, я думаю, они заняты тем, что называется здесь «снимать кожуру»... они могут раздевать мысленно людей... причем на доли секунды... большее время пресекается... таких вылавливают... но они все же рискуют... удерживаясь буквально в этих долях... вот они смотрят вдаль... на окна домов... там наверняка живут их знакомые... и вот они опять же на неощутимый миг сдирают кожуру с домов и видят, что там происходит, нет закрытых стен: спальни, ванные комнаты, уборные, гардеробные, прихожие, лестничные площадки – все приоткрывается, но буквально на миг, что-то можно увидеть? Если ты задержался, то тебя уведут из этого места... ты будешь подвергнут испытанию... какому... никто не знает... но число желающих – оно невелико... все же не убывает. Но я хочу тебя спросить о том, что я сказала вначале: ты хочешь проникнуть в свое прошлое?

– А я знаю, куда я попаду?

– Куда бы тебе хотелось попасть и что-то изменить... что почти невозможно... но можно попробовать...

– Да, я попробую, – сказал Я. после долгой паузы».

АЯ приостановился и открыл глаза. Он увидел, что приблизил свое лицо к лицу Селены и тихо говорит, почти шепчет ей в самое ухо. Она приоткрыла тоже глаза и сказала ему тоже тихо:

– Ты, как ныряльщик, из глубины вынырнул. Но что же было дальше?

– Я не знаю.

– Тогда рассказывай.

И он стал говорить.

«Я. взял бокал темного вина, но долго не решался отпить. Потом, не глядя на девушку, сделал глубокий глоток. И вот он стоит на дождливой московской улице рядом с телефоном-автоматом и нащупывает в кармане монетку. Даже посторонняя мысль

появляется: какая монетка, пятиалтынный? Наконец опускает монету в прорезь, слышит отдаленные гудки, надеясь все же, что она не снимет трубку, и можно будет, сжав веки на три секунды, он это ясно понимает, выскользнуть обратно из этого осеннего дня. Но она берет трубку и, понимая, кто это, произносит совершенно посторонним голосом:

– Алло.

– Это я. Давай встретимся... на том месте, где обычно... правда, сейчас дождь.

– Ничего, не сахарная, не растаю.

И он ждет ее у метро... да, ведь это “Сокольники”... и неизменная каланча... здесь у метро они так часто встречались. Она появляется в плаще и с непокрытой головой... Он в какой-то промокшей вельветовой курточке... и вдруг понимает, что не узнает ее, вернее, он узнает... хотя и отдаленно... ту девушку, чье вино он выпил... Он вглядывается ей в лицо, и ему кажется, что произошла подмена... он оглядывается вокруг и вроде бы узнает лица прохожих, что были в том дне... тогда он их, конечно же, не запомнил, а сейчас ему чудится, что он всех их узнает... он словно бы в хороводе знакомых, и только она одна ему не совсем знакома... Но он произносит те прежние слова:

– Я хотел попросить прощения... нет, не то... мне не хотелось бы расставаться с тобой... хотя мы и расстались... Маша, Машенька...

Она очень долго смотрит на него, ничего не говоря. Видно, что она сдерживает себя, чтобы что-то не сказать или не совершить. Наконец она произносит:

– Надеюсь, этот твой звонок ко мне был последним.

– Нет... позволь мне хотя бы иногда слышать твой голос.

– Зачем? – она поворачивается и идет к метро. И Я. кажется, что все же узнал ее, уже не лицо, но всю ее, какую знал. Дождь попадает в глаза, Я. смыкает веки и возвращается.

Лицо девушки, которая держит в пальцах бокал вина, освещается неким подобием улыбки, которой он не предполагал увидеть у нее.

– Ты что-то произносил, бормотал... во время твоего отсутствия...

– А ты разве не была там... я же тебя почти узнал...

– Никто не имеет права вторгаться в глубинное воспоминание другого. Но иногда происходят наложения... я говорила... ты меня здесь потому и узнал... тебе показалось, что узнал, потому что неявно перенес лицо той твоей девушки на меня... Но теперь я понимаю, что ты действительно меня знал, а я думала, что это просто предлог, чтобы познакомиться.

– Если бы меня спросить заранее, я бы сказал, что вы не похожи... но тут оказалось, что вы на одно лицо... но чье это лицо, я не знаю...

– Такие погружения не проходят даром... Ты, я чувствую сильно устал, мне все равно надо идти... а ты, наверное, от дождя во сне... озяб и почти дрожишь... если хочешь, пойдем... можно у меня отдохнуть...

– Это далеко?

– Нет, не очень.

Они поднялись из-за стола и пошли к выходу. Я. заметил, что все это огромное пространство заметно опустело. Неясный день клонился к концу. И люди покидали это место встречи со своим прошлым, место становилось пустынным, но и прошлое каждого тоже пустело.

Они шли по темнеющим уже улицам, и Я. думал, что эта девушка, конечно, не та возлюбленная из прошлого, с которой они расстались. Но что она понимает его и знает, что прошлое можно вернуть. И даже оставаться там. Но хотелось бы встретить ту ушедшую тогда, где-то она здесь. Но здесь ли, в этом городе. Или уже между звезд.

Ночные улицы становились светлыми из-за пробуждающихся огней на них, и ему было уже легко рядом с девушкой, чью руку он чувствовал и которая, наверное, его понимала. Она вела его уверенно по роскошным кварталам, которые становились совсем похожие на земные, но только более светлые. Вдруг его спутница приостановилась, ему

показалось, что она даже вздрогнула. “Что-то случилось?” – участливо спросил он. “Нет, ничего, – то, что и должно было произойти”. И повернулась к нему. Ее глаза сверкнули каким-то особым блеском, который ему хотелось бы назвать драгоценным, если бы взор ее не был устремлен не на него, а куда-то за него, куда-то дальше. “Ты понял, кто я”, – утвердительно сказала она. “Нет”, – он правда не понимал, о чем она, – лицо ее не изменилось, но взгляд стал неузнаваемым. “Я принесла тебе весточку, весть”. – “Какую весть?” – “О том, что решение суда по твоему делу принято”. Он почувствовал легкий озноб, который перешел в неостановимую дрожь, он даже охватил себя руками, чтобы ее прекратить. Она взяла его правую руку, и дрожь в руке прекратилась, рука ниже рукава его безрукавки немного онемела, и вся кожа здесь блеснула тусклым серебристым светом, и рука стала легкой. Она взяла его за серебряную руку и повлекла за собой. “Но я ведь сам тебя нашел... я ведь сам к тебе подошел... ты же не хотела смотреть на меня”. – “Это только твоё представление, что ты определял что-то, на самом деле все было не так”. И она повлекла его дальше, улыбаясь ему незнакомыми уже глазами. “Но какое это решение?” – он все же спросил. “Это скажут тебе только там”. Он едва успевал за ней, хотя он держала его руку. Он чувствовал, что и левая его рука стала легкой и серебристой. И они полетели к зданию суда, уходящего вершиной за облаками в незримый зенит».

Речь АЯ прекратилась сама собой. Он приоткрыл глаза, увидел высокий тополь и понял, что стоит, обняв Селену и положив ей голову на плечо, а она положила свою голову на его плечо. Он чувствовал, что дрожит, но не мог понять, не передалась ли ему дрожь от его Я., и она дрожала, и это было похоже на рыдание – его или их вместе.